

Священная дружина

Из Постановления НКВД: *"В селе Кочпон в Сыктывкаре на протяжении последних трех лет группа ссыльного духовенства староцерковников и церковно настроенного населения, возглавляемая Ряшенцевым и Елькиным, систематически проводила антисоветскую деятельность против мероприятий партии и Советской власти, путем антисоветской агитации, распространяла провокационные клеветнические слухи на членов Советского правительства, также о войне и гибели Советской власти"*

13 человек были арестованы и приговорены к расстрелу по делу "Священной дружины".

Владыка Герман

ГЕРМАН РЯШЕНЦЕВ, в миру Николай Степанович, родился 10 ноября 1883 года в Тамбове, в семье купца второй гильдии Степана Григорьевича Ряшенцева, русский. Мать его, Мария Федоровна, урожденная Затонская, происходила также из купеческой семьи. Николай был пятым из восьми детей. В 1902 году, после окончания в Тамбове классической гимназии, Николай Ряшенцев поступает в Казанскую духовную академию. В 1905 году в возрасте 21 года, он принимает монашеский постриг с именем Герман, в честь святителя Германа Казанского. В студенческие годы отец Герман находит себе духовного наставника, он начинает окормляться у старца схиархимандрита Гавриила (Зырянова), бывшего в то время настоятелем Седмиезерной пустыни под Казанью. В 1906 году отец Герман принимает священный сан и оканчивает академию со званием кандидата богословия, назначается преподавателем в Псковскую семинарию. В 1910 году

иеромонах Герман перемещен на должность инспектора в Вифанскую семинарию около Сергиева Посада. В 1912 году отец Герман становится, с возведением в сан архимандрита, ректором Вифанской семинарии, где прослужил до ее закрытия в 1918 году. В 1919 году в Свято-Даниловом монастыре Патриарх Тихон рукополагает отца Германа во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. В 1921 году владыка Герман был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. В 1922 году сослан в Тобольский округ на три года. В 1925 году Владыка возвращается в Москву и через четыре месяца вновь был арестован. Осужден на три года ссылки, отбывал в Карапалкапии. В начале 1928 года Владыка возвращается в Москву и назначается на Вязниковскую кафедру. В конце 1928 года Владыка был арестован, в то время он был временно управляющим Владимирской епархией, осужден к трем годам лагерей. В начале 1930 г. Владыка попадает в Соловецкий лагерь, по болезни в конце этого года его перевели на материк. На положении ссыльного попадает в Коми край, пребывал в Деревянске, Вочи. В начале 1933 года Владыке разрешили уехать, он выбрал для проживания г.Арзамас.

В 1934 году Владыку арестовали и осудили на три года ссылки в Северный край. В августе 1934 года Владыка попадает в Сыктывкар, поселяется в селе Кочпон по ул. Колхозной, дом 5. 24

февраля 1937 года Владыка был арестован шестой и последний раз. Приговор тройки при УНКВД Коми АССР вынесен 13 сентября, Владыку приговорили к расстрелу. 15 сентября священномученик Герман, епископ Вязниковский был расстрелян, вблизи города Сыктывкара. **Священный Синод Определением от 06.10.2001 г. причислил епископа Германа Ряшенцева к лику святых и включил в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века.**

Владыка Герман

СЕРАПИОН ШЕВАЛЕЕВСКИЙ, в миру Владимир Макарович, родился 3 июля 1873 году в Тамбовской губ., Кирскановском у., с. Паревка в семье священника, русский. Окончил Тамбовскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию в 1898 году. Работал учителем в Тамбовской губ. Кермисинской церковно-приходской школе, затем в Старооскольском духовном училище. В 1902 г. рукоположен в сан иерея соборной церкви г. Короч Курской губ. и одновременно был противосектанским миссионером Курской епархии. В 1905 г. назначен помощником смотрителя в Белгородское духовное училище. С 1907 г. работал наблюдателем церковных школ Гродненской епархии, с 1912 г. в той же должности в Тверской епархии. 1913 г. возведен в сан протоиерея. До 1917 г. наблюдатель церковно-приходских школ Полоцкой епархии в г. Витебске. В 1917 г. член Священного Собора Русской Православной Церкви. До 1918 г. работал преподавателем в Витебской духовной семинарии. В 1928 г. возведен в сан епископа Моршанского, викария Тамбовской епархии. В 1933 г. епископ Арзамасский, викарий Горьковской епархии. В 1934 г. осужден на три года ссылки в Коми АО г. Сыктывкар. Проживал в Тентюково на улице 6\10, дом 26. Арестован 24.02.1937 г., осужден к высшей мере наказания, расстрелян в Сыктывкаре 15 сентября 1937 году. Реабилитирован 31.03.1989 г. Прокуратурой Коми АССР.

ИОАННИКИЙ ТАРАРА, в миру Лука Дмитриевич, родился 09.09.1861 г. в с. Долга Золотоношенского района Полтавской обл., украинец. В начале 30-х гг. проживал в Киеве. Осужден в 1934 г. на 3 года ссылки в Северный край. В ссылке проживал в д. Кочпон под Сыктывкаром по улице Колхозной, дом 5. Арестован 24.02.1937 г., осужден к высшей мере наказания. Расстрелян в Сыктывкаре 15.09.1937 г. Реабилитирован Прокуратурой Коми АССР 31.03.1989 г.

МИХАИЛ ЛЮБИМОВ, в миру Михаил Николаевич, родился 19.09.1903 г. в Санкт-Петербурге в семье служащего - счетовода, русский. Мать – Любимова Лидия Константиновна. Образование не оконченное среднее. До 1930 г. работал служащим. С 1930 г. иеромонах, служил в г. Киеве приходской церкви. В 1934 г. выслан на 3 года в Северный край. Проживал в с. Кочпон по ул. Домны Каликовой, дом 22. Арестован 24.02.1937 г., осужден к высшей мере наказания, расстрелян 15.09.1937 г. в Сыктывкаре. Реабилитирован Прокуратурой Коми АССР 31.03.1989 г.

ИОАНН СМУРЫГИН, в миру Александр Васильевич, родился 13.11.1906 г. в г. Москве, в семье рабочего, отец работал электро-монтером трамвайной станции, русский. Мать Смурьгина Ирина Тимофеевна, сестра Клавдия Васильевна проживают в Москве по ул.3-Мещанская дом 22, кв. 3. С 1922 по 1930 год работал электромонтером в Москве. С 1930 г. иеромонах, был игуменом в г. Киеве. В 1934 г. выслан на 3 года в Северный край. Проживал в с. Кочпон по ул. Домны Каликовой, дом 22. Арестован 24.02.1937 г., осужден к высшей мере наказания. Расстрелян 15.09.1937 г. в Сыктывкаре. Реабилитирован 31.03.1989 г. Прокуратурой Коми АССР.

Иоанн Смургин

МАРТИНИАН ВАСИЛЬЕВ-ЖУКОВ, в миру Мартемьян Сергеевич, родился в 1875 г. в г. Арзамасе Нижегородской губ. в семье рабочего, русский. Окончил начальную школу. До 1917 г. принял монашеский постриг, рукоположен в сан иеромонаха в Арзамасе. В 1934 г. выслан в Северный край г. Сыктывкар, жил в Тентюково по ул. 6\10, дом 7. Арестован 04.03.1937 г., осужден к высшей мере наказания, расстрелян 15.09.1937 г. Реабилитирован 31.03.1989 г. Прокуратурой Коми АССР.

АМОСОВ РАФАИЛ НИКОЛАЕВИЧ родился 21.10.1877 г. в г. Вологде, из мещан, русский. Отец до революции работал в Уездном суде г. Усть-Сысольске. В 1903 г. окончил Московское высшее техническое училище. До революции служащий ж\д, ревизор тяги в Москве. До 1928 г. работал на ж\д транспорте, затем инженером-конструктором на заводе "Промстрой" в Москве. С 1930 г. работал в НКБ на заводе им. Молотова. В 1934 г. осужден на 3 года ссылки в Северный край. Отбывал в Сыктывкаре, занимался научной деятельностью как инженер-конструктор в области техники и технических наук на дому. Проживал в Тентюково по ул. 5\10, дом 101; по ул.Свободы в доме Л.Жеребцовой. Обыск проводили по ул. Интернациональной дом 67. Арестован 24.02.1937 г., изъяли написанные им рукописи "Что самое важное в жизни человеческой", "Замечательный сон монаха", "Критика Амосова на брошюру Скворцова-Степанова "Благочестивые размышления"". Жена Амосова Евгения Петровна проживает в Москве. Сестра 2-юродная Попова Ольга Николаевна работает секретарем кооперативного техникума в Сыктывкаре. Осужден к высшей мере наказания, расстрелян 15.09.1937 г. в Сыктывкаре. Реабилитирован Прокуратурой Коми АССР 31.03.1989 г.

Рафаил Николаевич Амосов

ТРОФИМОВ АЛЕКСАНДР ИГНАТЬЕВИЧ родился 24.12.1872 г. в г. Минске, личный дворянин. Окончил реальное училище и выдержал экзамен на фармацевта при Киевском университете бывшего св. Владимира. До 1917 г. фармацевт Киевского военного госпиталя в чине Коллежского советника. С 1920 по 1923 гг. служил в Красной армии контролером фактически полевых войск, в Самаре фармацевт сводного госпиталя. Работал фармацевтом и по счетной части – бухгалтером. В 1933 г. осужден на 5 лет ссылки в Северный край. Отбывал в Сыктывкаре, проживал в Тентюково по ул. 6\10 дом 49, затем по ул. Интернациональной дом 67. Брат Трофимов Николай Игнатьевич проживает в г. Ашхабаде, работает зубным техником ж\д больницы. В Сыктывкаре работал в Аптеко-базе Коми АССР, фармацевт-токсикатор. Арестован 04.03.1937 г., осужден к высшей мере наказания. Расстрелян 15.09.1937 г. в Сыктывкаре. Реабилитирован 31.03.1989 г. Прокуратурой Коми АССР.

СТЕФАН ЕРМОЛИН, в миру Степан Васильевич, родился 22.05.1891 г. в с. Часово Яренского у. из крестьян, коми. Окончил начальную школу. С 1919 по 1922 гг. служил в Красной армии в должности командира взвода и пом. командира роты. До 1926 г. крестьянствовал. В 1926 г. рукоположен во священника, Крестовоздвиженской Нижнеконецкой церкви. Проживал в Тентюково по ул. 5\10, дом 87. Жена Лидия Ивановна - 44 года, мать Наталья Прокопьевна - 70 лет. Арестован 24.02.1937 г, осужден к высшей мере наказания. Расстрелян 15.09.1937 г. Реабилитирован 31.03.1989 г. Прокуратурой Коми АССР. **Священномученик священник Стефан Ермолин внесен в Собор новомучеников 06.10.2001 г. от Сыктывкарской епархии.** День памяти 15.09 (1937).

ЕЛЬКИН ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ родился 23.06.1876 г. в с. Шошка Усть-Сысольского у. Вологодской губ., коми. Образование низшее. До революции работал в Петрограде на трубочном заводе рабочим. После революции служащий. С 1918 по 1929 гг. был членом ВКП(б), исключен при проверке партбилетов за связь с служителями культа. Работал на Сыктывкарском лесозаводе. Проживал в с. Кочпон по ул. Советской дом 9. Жена Наталья Андреевна - 57 лет, дочь Людмила - 10 лет, сын Владимир - 7 лет, неродной сын Холопов Андрей Андреевич - 27 лет. Арестован 24.02.1937 г, осужден к высшей мере наказания. Расстрелян 15.09.1937 г в окрестностях Сыктывкара. **Мученик Павел Елькин внесен в Собор новомучеников и исповедников Российских 12 марта 2002 г. от Сыктывкарской епархии.** День памяти 15.09 (1937).

ШТОКОВИЧ АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА родилась 28.12.1875 г. в Санкт-Петербурге, из дворян, русская. Отец пенсионер Русско-Турецкой войны, работал комендантом Царского Села. Окончила Смольный институт благородных девиц в Петербурге. Бывшая фрейлина Царского двора. Учительница музыки и преподаватель французского и немецкого языков. В 1928 г. осуждена по ст.58-10. В 1933 г. осуждена по ст.58-10-11. Отбывала ссылку в г. Сыктывкаре. Проживала по ул. Интернациональной дом 117. Работала в ресторане "Октябрь" по музыке. Арестована 24.02.1937 г., при аресте обнаружили и изъяли приписываемое Есенину стихотворение "Письмо Есенина Демьяну Бедному по поводу его выступления против Христа". Осуждена к высшей мере наказания. Расстреляна 15.09.1937 г. в Сыктывкаре. Реабилитирована 31.03.1989 г. Прокуратурой Коми АССР.

ВАРУН-СЕКРТ АННА ИВАНОВНА родилась 16.06.1888 г. в Санкт-Петербурге, Васильевском острове, 13 линия, дом 333. Дочь юриста барона Меллер-Закомельского, русская. Окончила в 1903 г. Смольный институт в Петербурге и 2-годичные курсы иностранных языков в г. Париже (Франция). Муж, Варун-Секрт Виктор Тимофеевич был сыном помещика работал земским начальником и мировым судьей. Развелась в 1910 году. После революции работала преподавательницей французского языка. В 1931 г. была осуждена на 3 года. В 1935 г. выслана на 3 года в Коми область. Проживала в Сыктывкаре в Кируле дом 58, затем по ул. Советской, дом 4. Домохозяйка, получают материальную помощь из-за границы. Арестована 24.02.1937 г., осуждена к высшей мере наказания. Расстреляна 15.09.1937 г. в окрестности Сыктывкара.

ШАЛАМОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, урожденная Рогова, родилась 27 мая 1882 года в с. Иб Усть-Сысольского у. Вологодской губ. в семье священника, коми. Окончила Устюжское женское епархиальное училище. Муж Шаламов Прокопий Николаевич служил священником в с. Вотча, расстрелян в 1931 г. Жила в с. Кочпон по ул. Колхозная дом 11. Имеет детей: Николай - 33 лет, живет в Москве, Пантелеймон - 35 лет, живет в Ленинграде, Сергей - 30 лет, живет в Ленинграде, Екатерина - 31 года, живет в Ленинграде, Лидия - 32 лет, живет в Ленинграде, Любовь - 24 лет, живет в Ленинграде, Лариса - 34 лет, живет в Карелии. Арестована 24.02.1937 года. Приобщено

как вещественное доказательство: письмо дочери Лидии Шаламовой о голоде в Рязани, письмо Федотовского об оказании материальной помощи ссыльным, два заявления Шаламовой на имя Великоустюжских епископов Николая Клементьева и Питирима Крылова, в которых она обращается за благословением принять иноческий постриг. Осуждена к высшей мере наказания. Расстреляна 15.09.1937 г. Реабилитирована 31.03.1989 г. Прокуратурой Коми АССР. В 1947 г. с просьбой выслать свидетельство о смерти обращалась Савушкина Екатерина Прокопьевна, проживающая в Ленинграде по ул. Введенская 5\15, кв.10.

Из писем владыки Германа Ряшенцева

02.09.1934 г. Из писем Владыки Германа: «... неожиданно 10 августа вместе со своими близкими друзьями по учреждению собрались к комикам... покатали сначала по железной дороге, а потом паромом до Сыктывкара. ... поселился на кирпичном заводе в 10 км. от города. Началась жизнь довольно знакомая по Северу: грязный и холодный барак, мириады ночных искусителей, мужской и женский род в одном сонмище совокупленный, бестолковщина и грубость. К нашей радости скоро поселились в пригородном селе на берегу реки, в отдельной комнатке со стариком. Адрес: г. Сыктывкар, Коми обл., Кочпонская набережная, 4.»

29.11.1934 г. Из писем Владыки Германа: «Здесь тоже не запомнят такой теплой и длинной осени. До сих пор еще нет настоящей зимы. Кажется, за свою уже не короткую жизнь и на основании достаточного опыта последних лет мне надо бы быть спокойным и уравновешенным, а я все еще, как мальчик, пылок, нервен, нетерпелив и резок.»

22.12.1934 г. Из писем Владыки Германа: «Сейчас вечер. У Матушки, в уголке комнаты, алый огонёк. Старец трудится над отделкой теплых дредноутов, которыми он тщится защитить свои старые ноги от крепких северных морозов. На дворе второй день уже 35* мороза. Только что вторично истоплена русская печь, и около неё хлопчет такая же маленькая и кругленькая, как Таня, Поля. Осуществляются уже некоторые кулинарные планы на грядущий светлый день».

29.01.1935 г. Из писем Владыки Германа: «Все праздники прошли мирно. Правда, у нас перед праздником стояли 40* морозы, но они страшны только тогда, когда нет дров и, кроме того, еще ветер. Дрова пока есть, а при ветре в нашей комнате не особенно душно. К климату здесь быстро привыкают, и северный мороз гораздо легче осваивается, чем южная жара, а к тому же здесь морозы сухие и очень редко с ветром. А вообще зима стоит мягкая и нас засыпает снегом. Одной из радостей, какую получил за эти святки, была встреча с одним болящим (более 30 лет, с 17-летнего возраста прикован к постели вследствие расслабления ног). Он зырянин, простой усть-сысольский крестьянин. Многие его чтут, как у нас в Москве Василия или Максима, и я сам знаю несколько случаев его поразительного ясновидения. На меня лично болящий произвёл хорошее впечатление. По виду ему не более 25-30 лет. Очень изможденный, радостно-возбужденный, дитя Божие. Жаль только, что он не только ничего не говорит, но и ничего не понимает по-русски. Поэтому его мысль, и без того труднопонимаемая, еще больше затемняется переводом или даже толкованием переводчика».

13.05.1935 г. «Воистину воскрес Христос! На Пасху уже пошли пароходы и начала нормально функционировать почта».

05.07.1936 г. «Здесь есть один болящий, какого очень чтут; он уже не раз говорил, что меня не отпускают зыряне «уцепятся за меня и не отпускают. Самое ценное, что я имею, - это уютный уголок Матушки (церковь), где довольно часто можно услышать довольно стройно и с настроением исполняемые любимые нами вокальные номера».

02.12.1936 г. «1 Марта кончается срок договора, и возобновлять его едва ли придется. Зовут в Вязники и Арзамас. Условия жизни стали здесь значительно легче, чем прежде. На рынках и в магазинах почти все есть. Что касается меня лично, то в общем я здоров, но сил стало значительно меньше. Не теряю надежды увидеться».

Из дела «Священная Дружина»

25.02.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Вместе со мною на квартире жил игумен Лука Тарара. Проживая в Кочпоне встречался с игуменом Смурьгиным Александром Васильевичем, церковное имя (Иоанн); и иеромонахом Любимовым Михаилом Николаевичем. Кроме этого со мной жила в одной квартире послушница, тоже ссыльная, Фокиева Пелагия Семёновна. С указанными лицами я имел общение ежедневно. Два-три раза ко мне на квартиру заходил ссыльный архимандрит из Киева Станкевич Иерон Лаврентьевич, чаще с ним встречался в Кочпонской церкви. Встречался с ссыльным иеромонахом Нижниковым Борисом (Варлаам) Петровичем, из местного духовенства встречался со священниками: Ермолиным Степаном Васильевичем и Веселковым Фёдором Андреевичем. Вместе со мною в ссылку прибыла Штокович Александра Фёдоровна, с которой встречался один раз летом 1936 года у себя на квартире и во время явки на регистрацию. Осенью 1935 года ко мне на квартиру приходила прибывшая в ссылку Варун-Секрет Анна Ивановна, жена секретаря бывшей государственной думы. Как-будто Смурьгин Александр Васильевич мне однажды говорил, что находится в ссылке один москвич, Амосов Рафаил Николаевич, с последним лично я никогда не встречался. В период ссылки 1931-1933 гг., некоторое время я жил на квартире Лобанцевой Клавдии Алексеевны, проживает по ул. XX МЮД дом № 2 Сыктывкаре. Встречался с ней у неё и у себя на квартире, за время 1935-1936 гг. Имел общение, т.е. встречи с Шаламовой Марией Александровной, жена расстрелянного священника. С коми населением я принципиально не встречался, так как последние плохо владеют русским языком». (Допрос вел Петухов).

25.02.1937 г. Показания Шевалеевского С.М.: «Виновным себя не признаю, ибо я никакой к-р агитации не вёл. К числу близких знакомых, проживающих на территории г. Сыктывкара, я отношу следующих лиц: епископа Германа Ряшенцева. С ним мы до высылки находились вместе в г. Арзамасе, арестованы и высланы были по одному делу. Находясь в ссылке в г. Сыктывкаре в 1936 г., я бывал у него на квартире около двух-трех раз. Он один раз, в начале февраля 1937 г. также был в моей квартире. Вместе по одному делу выслали и иеромонаха Мартиниана Жукова, но здесь в Сыктывкаре мы с ним близких отношений не имели, друг у друга ни разу не бывали. Дальше знаком с протоиереем – священником Кочпонской церкви Фёдором, фамилию точно не знаю. У него я в течение 1936 г. был на квартире раза два-три, а он был всего лишь один раз у меня зимой 1935-1936 г. Знаком был также священником Нижнеконецкой церкви Степаном Ермолиным. За три года пребывания в Сыктывкаре я у него был на квартире всего лишь два раза. Последний раз я у него был неделю тому назад, в половине февраля 1937 г., а он у меня не был ни разу. Кроме того, близко знаком был с иеромонахом Михаилом Любимовым, но он у меня бывал редко. Круг моих знакомых у меня был очень ограничен, потому что я вёл замкнутую жизнь по

своей старости и не здоровью и преклонности моих лет, и ещё потому что я занимался учёно-исследовательскими богословскими вопросами». (Допрос вел Петухов).

25.02.1937 г. Показания Тарара Иоаникия-Луки Дмитриевича: «Показания могу давать на русском языке. Виновным я предъявленном мне обвинении себя не признаю, ибо никакой агитации против существующего строя не проводил. Лысенко Евгению Николаевну я не знаю и не знал». (Допрос вел Попов).

25.02.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «Наиболее близкое знакомство за время ссылки я имел с епископами: Шевалеевским Серапионом и Ряшенцевым Германом. Вместе со мною на квартире в с. Кочпон жил игумен Смурьгин Александр Васильевич. С игуменом Тарара Лукой, Нижниковым (Варлаамом) Борисом Петровичем. С архимандритом Иероном Станкевичем. Кроме этого знаком по Киеву и встречался в Кочпонской церкви с иеромонахом Лебедевым Всеволодом. Из светских, отбывающих ссылку, знаю Штокович Александру Федоровну, вместе с нами она прибыла в Сыктывкар и однажды в церкви со ссылкой инженером Амосовым Рафаилом Николаевичем. Встречался с Шаламовой Марией Александровной, жена расстрелянного священника, Лобанцевой Клавдией Алексеевной, сестра умершей монахини, которая проживает по улице XX МЮД дом № 2. Встречался с ними в церкви и на квартире Лобанцевой». (Допрос вел Петухов).

25.02.1937 г. Показания Смурьгина Александра Васильевича: «Близко знакомые мне за время ссылки были: епископ Ряшенцев Г.С., Любимов М.Н., Тарара И-Л.Д., епископ Шевалеевский С., монах Нижников Борис (Варлаам) Петрович, монахиня, тоже ссылка, Фокиева П.С. С перечисленными выше лицами я встречался в церкви и на квартирах, у себя и епископа Ряшенцева. Знаком со священником Веселковым Ф.А., Ермолиным Степаном, с ними также встречался в церкви и на квартирах. Знаю Шаламову М.А. Познакомились с ней в 1934 г. по прибытии в ссылку в Сыктывкар в церкви. Иногда она заходила ко мне на квартиру. Штокович А.Ф. знаю, но близкого знакомства с ней не имел. Лобанцеву К.А. знаю, приходя в город, я заходил к ней на квартиру отдыхать. Елькина П.Н. знаю. 13 ноября 1936 г. Елькин П.Н. вместе со своей женой Елькиной Н.А. был у меня на именинах. Кроме их тогда у меня были священник Веселков со своей женой. Шаламова М.А. и Чурилова Евгения, которая проживает в одном доме со мною. Журавина А.В. знаю. Журавин жил на квартире в одном доме со мною. Познакомился с Журавиным в церкви в 1936 г. Варун-Секрет А.И. знаю, но знакомства не имел. В конце 1936 г. по её просьбе я Варун-Секрет шил бурки». (Допрос вел Петухов).

25.02.1937 г. Показания Ермолина Степана Васильевича: «Показания могу давать на русском языке, ибо им владею. Виновным в предъявленном мне обвинении себя не признаю, ибо я никогда к-р деятельностью не занимался. Лысенко Евгению Николаевну я не знаю и не знал раньше». (Допрос вел Попов).

25.02.1937 г. Показания Амосова Рафаила Николаевича: «Наиболее близкое знакомство, отбывая ссылку в Сыктывкаре, имел с монахом Васильевым Мартемьяном, проживает в Тентюково, ссылкой епископом Шевалеевским Серапионом, правда с последним встречаясь имел разговор, но на квартире у него не бывал. Больше знакомых, за исключением Трофимова Александра Игнатьевича, последний работает провизором Аптекобазы, я не имел. С Трофимовым около шести месяцев 1936\37 гг. жил в одной даже квартире. Встречался с ним, как с соседом по квартире и имел разговор бытового характера. Штокович А.Ф. знаю. Встречался с ней по дороге и изредка у неё на квартире. Любимова М.Н. не знаю. Кирсанова Дмитрия знаю, встречался с ним в Кирульской церкви. Заходил к нему в церковную сторожку погреться. Ссылочного иеромонаха Смурьгина А.В. знаю, в 1936 г. весной кто-то меня с ним познакомил. Знаю двух служителей

культы: священника Тентюковской церкви Ермолина Степана и митрополита обновленческой церкви в Кируле Князевского Михаила. Знакомства близкого с ним не имел. Ссылного епископа Ряшенцева Германа не знаю. Ссылного архимандрита Станкевича Иерона знаю, встречался иногда с ним на улице. В 1935 г. со Станкевичем меня познакомил бывший ссылный священник Нечаев Александр, последний в данное время проживает в Архангельске». (Допрос вёл Петухов).

25.02.1937 г. Показания Шаламовой Марии Александровны: «Показания буду давать на русском языке. Виновной себя ни в чём не признаю, ибо никакой к-р деятельности я не проводила. Лысенко Е.Н. я не знала и не знаю». (Допрос вёл Попов).

25.02.1937 г. Показания Штокович Александры Федоровны: «Знаю ссылных: еп. Ряшенцева, Шевалеевского, монашку Фокиеву, Цыганковых Варвару и Елену, Касаткина Александра Ивановича, вместе с ним я приехала из Арзамаса. Посещала Клавдию Алексеевну Лобанцеву по ул. XX МЮД. Знаю иеромонахов Любимова, Смурьгина, игумена Тарару. Из светских ссылных знакома с Варун-Секрет. С женой Утилова Василия Степановича – Утиловой Софьей Эдуардовной – весной 1936 г. играла вместе с ней в кинотеатре на пианино. В настоящее время она находится в Москве. С Амосовым Р.Н. познакомилась в начале 1936 г., он заходил ко мне на квартиру. Знаю настоятеля священника из Тентюково Степана Ермолина». (Допрос вёл Петухов).

25.02.1937 г. Показания Варун-Секрет Анны Ивановны: «Виновной себя не признаю». (Допрос вёл Попов И.Я.).

25.02.1937 г. Показания Елькина Павла Николаевича: «Посещал меня священник Стефан Ермолин».

27.02.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Журавина Александра Васильевича не знаю. Видел одного молодого человека по имени Саша в Кочпонской церкви, который проживал в Кочпоне в доме где живут Смурьгин и Любимов. Смурьгин мне рассказал, что Журавин благочестивый молодой человек, работает слесарем Сыктывкарского лесзавода. Питирима Крылова я знаю ещё как архимандрита по Москве. В своём письме к нему я спрашивал у Питирима как он смотрит на монашество в настоящее время, т.е. на возможность существования монахов в условиях настоящей церковной действительности. Это было в связи с просьбой, ныне умершей Лобанцевой Анны Алексеевны, пострига её в монахини. Питирим мне ответил, что пострижение в монахи можно производить только перед смертью. Летом и осенью 1936 г. Шаламова Мария Александровна у меня на квартире несколько раз спрашивала моего совета о пострижении её в монахини. Каждый раз я давал ей отрицательный ответ, т.е. не советовал, потому что в настоящих условиях для монахов нет монастырей, руководства ими и других условий необходимых монахам. Я лично Шаламову в Устюг не направлял, летом 1936 г. она ездила туда к своим родственникам и знакомым. В Устюг я посылал с Шаламовой письмо своей бывшей хозяйке Федотовской и второе письмо епископу Питириму». (Допрос вел Петухов).

27.02.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «С Амосовым Рафаилом Николаевичем встречался один раз в Кочпонской церкви. Несколько раз на почте и на улице в городе Сыктывкаре. Первый раз с Амосовым Рафаилом Николаевичем я встретился в Кочпонской церкви, не помню до или после вечерней службы мы с ним вместе сидели на скамейке и разговаривали о церковном песнопении. Было это летом 1936 г., точную дату не помню, хорошо помню, что меня с ним никто не знакомил. Помню, во время одной из встреч, я спрашивал Амосова, в какую церковь он ходит. Последний отвечал, что в Кирульскую, т.к. в Кочпонскую церковь ходить очень далеко. В остальных случаях разговор с ним был беспредметный. Не помню, встречался ли с Амосовым в квартире Штокович. В

квартире Лобанцевых с Амосовым не встречался. По вопросу церкви я задавал Амосову недоумённый вопрос: Почему он безразличен к церкви, т.е. посещает нашу церковь и Кирульскую обновленческую? Амосов отвечал, что он разницы т.е. принципиального различия между старой церковью и обновленческой не видит никакой. И что разделение произошло только между духовенством. Епископа Поздеевского Федора не знаю. Амосов о Поздеевском ничего не говорил. Митрополита Кирилла не знаю. Весной 1936 г. епископа Флоренского Павла я видел в Кочпонской церкви, брал от него благословление. Флоренский в то время возвращался из Усть-Кулома из ссылки куда-то по направлению к центру, точно место куда он уехал не знаю. У кого на квартире останавливался Флоренский не знаю. Флоренский где-то останавливался в Кочпоне, но у кого именно не знаю. Во время службы в Кочпонской церкви, Ряшенцев и Флоренский Павел были оба, во время вечерней и обедни. Во время приезда Флоренского был какой-то праздник или воскресение. С архимандритом Станкевичем встречался в Кочпонской церкви, несколько раз заходил он ко мне на квартиру после обедни попить чаю, по моему приглашению». (Допрос вёл Петухов).

05.03.1937 г. Показания Васильева-Жукова Мартиныяна Сергеевича: «Виновным я себя не признаю. Будучи в ссылке в Сыктывкаре, я был знаком со следующими лицами – ссыльным еп. Германом Ряшенцевым, еп. Шевалеевским Серапионом, схимонахом Тарарой, Амосовым Рафаилом Николаевичем, Любимовым Михаилом, Смурьгиным Иоанном, Нижниковым, Давиденко Яковым, Ганивовком Досифеем, Трофимовым Александром Игнатьевичем, Дудником Арсением, Штокович Александрой Фёдоровной, архимандритом Станкевичем Иероном, который часто ходит к еп. Герману Ряшенцеву, священник Сергиевским Михаилом, Коваль Иоилем – бывш. священником, священник Протопоповым. С Ряшенцевым и Шевалеевским мы знакомы ещё по Арзамасу. Все мы трое были в 1934 г. высланы по одному делу и приехали вместе в Сыктывкар. По прибытии в Сыктывкар, в первое время с сентября 1934 по январь 1935 гг. с Шевалеевским мы жили вместе на одной квартире, а после этого я у него не бывал ни разу. Тарара в Кочпоне жил в одной квартире с Германом Ряшенцевым, где с ним я встречался и познакомился. В 1936 г., в ноябре-декабре м-це, примерно около полтара м-ца мы жили в одной квартире с ссыльным быв. священник Нечаевым Александром Дмитриевичем, который по окончании срока ссылки в декабре м-це 1936 г. выбыл в Архангельск. Амосов был знаком с Нечаевым и часто заходил в нашу квартиру, где мы с ним и познакомилась. С Смурьгиным и Любимовым я познакомился в Кочпоне в церкви и в начале 1937 г. два раза был у них на квартире. С Трофимовым мы жили рядом, поэтому с ним иногда встречались, но близкого знакомства не было. Штокович проживала в одном доме с Трофимовым рядом с моей квартирой, я её встречал также, но близкого знакомства не было. С Нижниковым, Вовк Досифеем, Дудником, Станкевичем, Сергиевским и Коваль я был знаком только по церкви, у них на квартире никогда не бывал. С Давиденко мы в 1934 г. вместе проживали на одной квартире. Вместе с нами тогда проживал Шевалеевский. С Протопоповым мы знакомы с начала 1937 г. Я занял его квартиру, а он ушёл на другую квартиру в восьмую десятую. За это время я один раз был у него на квартире. У Ряшенцева я был всего лишь три раза. Первый раз был в конце сентября 1936 г. Он пригласил меня на чаепитие. После этого я ещё два раза был у него, но точное время указать не могу, не помню. Когда я заходил в первый раз к Ряшенцеву, то там кроме меня были ещё около шести человек гостей, в т.ч.: Давиденко Яков, Вовк Досифей, две женщины по имени Ксения и Пелагия, Шаламова М.А. и Тарара. Разговоры там происходили обыденные, чисто бытового характера. При 2 и 3 посещениях епископа встречал человек 12-15. Кроме названных выше лиц, там в оба раза был священник Ермолин Степан, не знакомая мне монахиня и ещё ряд ссыльных, которые по окончании срока ссылки уехали. При мне там Смурьгин и Любимов не были. Разговоры там были о новой конституции. Ряшенцев

говорил, что «теперь в связи с новой конституцией нам будет жить лучше, тогда мы можем свободно разрешать религиозные обряды, будем участвовать на выборах» и т.п. Подтверждая эти слова Ермолин говорил, что «да, теперь мы будем жить лучше и я надеюсь, что скоро откроют Изкарскую церковь». Не знаю, кто-то спросил: «Разве эту церковь откроют?» Ермолин на это ответил, что «они ходатайствуют об открытии и он надеется, что откроют». Какие ещё там были разговоры, я не помню. Амосов раньше жил на квартире, где я теперь живу. Ко мне он несколько раз заходил, и я также осенью 1936 г. у него был несколько раз. Там посторонних лиц я никогда не встречал. Точно не помню, осенью 1935 г. или в начале зимы 1936-37 гг., я был на квартире Амосова. В беседе со мной по вопросу о новой конституции Амосов выразил недовольство на отдельные пункты конституции. В частности, он говорил, что в проекте новой конституции ни слова не сказано о свободе религиозной пропаганды, тогда как предоставлена свобода антирелигиозной пропаганды. Амосов при этом сообщил, что он напишет предложение в Москву, чтобы в конституции был включён пункт о свободе религиозной пропаганды. По его словам, предложение, посылаемое в Москву, подпишут не он, а его «знакомые», но кто, Амосов не сказал. Да, признаю, что я распространял к-р-провокационные слухи, в форме виденных мною снов, среди ссыльных. В частности, об этом рассказывал Амосову Рафаилу Николаевичу и др. ссыльным, но кому именно, теперь не припоминаю». (Допрос вёл Попов).

05.03.1937 г. Показания Трофимова Александра Игнатьевича: «За время ссылки в Сыктывкаре я имел знакомство и иногда беседовал со Штокович А.Ф., ссыльная. С конца 1935 г. по сентябрь 1936 г. со Штокович проживал в одном доме в с. Тентюково. Она там жила в проходной кухне, а я отдельной комнате наверху. Знаю, что в то время к нашей хозяйке дома ходил ссыльный епископ Серапион, фамилию его не знаю, т.к. разговоров с ним не имел. С 14 сентября 1936 г. жил в одном доме по Интернациональной улице со ссыльным Амосовым Р.Н. Примерно 7-8 февраля 1937 г. Амосова с квартиры выселили и где он живет в данное время мне не известно. По работе сталкивался ссыльным Маклаковым, последнему я заказывал вывеску для Объячевской аптеки. В квартире Штокович А.Ф. встречал ссыльного монаха Мартемьяна, последний проживал в Тентюково. Кроме этого к ней ещё заходил какой-то служитель культа, высланный из Киева по имени, как-будто Иерон. Знакомых из местного населения в городе я имел только по квартирам, на которых проживал, отбывая ссылку. Хозяин дома Клыков Иван Григорьевич, работает сторожем заготзерно. Последнего квартирохозяина Гаврилова Анатолия Павловича. В последней квартире по соседству со мной в комнате живёт бывший священник Геннадий Иванович, фамилию не помню, последний работает счетоводом инвалидной организации». (Допрос вёл Петухов).

08.03.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «В Киеве по Старо-Наводницкой 58 проживает знакомая мне и Смурьгину А.В., служащая больницы Молдаван Елизавета Гурьевна, последняя оказывает мне материальную помощь на деньги от продажи моих вещей, которые я оставил у неё на квартире. Сколько я получал от неё всего переводов не помню. Получал от неё переводы по 60 и 80 рублей, а при аресте у меня отобрали два перевода по 130 руб., которые Молдаван мне прислала для возвращения из ссылки, т.е. на дорогу. Познакомился я с Молдаван Елизаветой в Киеве, как верующий и проживающий по соседству с нами. На квартире у неё не бывал. Молдаван заходила к нам убирать квартиру и вообще оказывала помощь. Шibaева Варвара Ивановна это моя знакомая верующая, в каком-то учреждении служит, но где именно не знаю. До ссылки встречался с нею в церкви и на квартире старца Антония Абашидзе архиепископ. Проживает Шibaева, на сколько я помню, в Киеве Мало-Житомирской улице. Хранил её адрес для памяти, как своей знакомой. Переписки с неё не имел. Переписку с Антонием я имел через Молдаван Елизавету. Абашидзе живет в Киеве Киевский спуск 20. Письма по адресу Абашидзе я не писал,

потому что флигель, в котором он жил, намечался давно к сломке. Молдаван Елизавета заходит к Абашидзе ухаживает за ним вместе с Глушак Ксенией. Последняя проживает в одном доме со старцем Антонием. Глушак Ксения служащая больницы. Кирид М.Д., проживающая в Киеве одна из знакомых мне через старца Абашидзе. Работала она сестрой милосердия. Хранил её адрес, как сестры милосердия, которая приходила к нам и оказывала помощь старцу Антонию. Зонченко София тоже знакомая по старцу Антонию, на сколько мне помнится, тоже работала где-то в больнице. Нитецкая Н.К. церковный старости, в которой я служил до ссылки, проживает в Киеве». (Допрос вёл Петухов).

08.03.1937 г. Показания Васильева-Жукова М.С.: «Осень. 1936 г., числа точно не помню, я ходил в город за керосином и на обратном пути зашёл на квартиру Амосову. Он предложил мне чайку и во время чаепития спросил у меня, желаю ли я познакомиться с одним документом, я спросил, что у него за документ. На что Амосов мне ответил, что в газетах напечатан проект новой конституции, где есть пункт свободной антирелигиозной пропаганды, а о свободе религиозной пропаганды ни слова не указано, поэтому он написал в Москву в газету своё предложение, чтобы в проекте новой конституции был включён пункт о свободе религиозной и антирелигиозной пропаганды. Тут же Амосов зачитал мне текст своих предложений, написанных для отправки в Москву. Я спросил у Амосова, кто будет подписывать это предложение, на что он мне ответил, что он подыщет людей из «своих» знакомых и среди колхозников, ибо другим лицам, в том числе и ссыльным, подписывать это предложение не удобно. Я ещё спросил найдёт ли он таких людей, на что мне Амосов уверенно сказал, что он поищет таких людей из числа «своих» знакомых и колхозников и найдёт. Во время этого разговора зашёл туда Клыков Иван Григорьевич – председатель церковного совета Нижне-Конецкой или Изкарской церкви, и я ушёл, а они остались. Кто подписал предложение Амосова мне не известно. О том, что со стороны соввласти идёт гонение на религию, от Амосова я никогда не слышал, но один раз, тоже у него на квартире, после указанного выше случая, он говорил, что Изкарскую церковь закрыли не законно и верующие ходатайствуют, чтобы её обратно открыли. Он также ходатайствует вместе с верующими. Откроют ли обратно эту церковь, Амосов мне не говорил, а также не говорил, что он написал жалобы в вышестоящие органы. Уже зимой конца 1936 г. я был опять на квартире Амосова и в беседе с ним я рассказал ему виденный мною в 1914 г. сон, подробности которого я показывал на предыдущем допросе. Тогда Амосов только мне сказал, что виденный мною сон предвещает раскол Церкви и духовенства. Больше разговоров на эту тему у нас тогда не было. Через некоторое время я вновь зашёл на квартиру Амосова. Последний рассказал мне, что с моих слов он записал сон, виденный мною. Я попросил его прочитать, что он написал и на это Амосов прочитал мне текст рукописи, о виденном мною сне. После прочтения всего содержания, я указал Амосову, что он многое преувеличил и написал то, чего я не говорил и не знал, на что он сказал, что он, к содержанию моего рассказа о сне, добавил многое от себя и рассказ этот прикрасил. После этого я спросил у него, почему он, Амосов, написал это, на что последний ответил, что записал лишь для памяти. Тогда я сказал ему, что пусть он делает с ним что хочет. Находясь в Сыктывкаре, кроме Амосова об этом сне я никому не рассказывал. Раньше возможно рассказывал, но когда и кому именно, я теперь не помню. Особенно интересного разговора об Испании с Амосовым у нас не было. Как-то один раз у него на квартире, время точно не помню, я спросил у Амосова, как обстоят дела в Испании и кто это фашисты. Он мне разъяснил, что фашисты - это белые, а республиканские войска – правительственные. Всё время между ними продолжаются военные действия и успехи на стороне республиканских войск. Больше разговоров на эту тему у нас не было и подобных разговоров с ним я больше никогда не имел. Переписку имел лишь с Шульпенковой Зинаидой Александровной, проживающей Арзамасе Горьковской обл., у которой я жил на квартире до

высылки, но писали друг другу редко. Больше я ни с кем переписки не имел, т.к. знакомых больше не было. В 1936 г., числа не помню, от еп. Ряшенцева Германа я получил 5 руб. Больше за всё время пребывания в ссылке, я ни от кого никакой помощи не получал. Денег у Ряшенцева я не просил, а он сам дал в Кочпонской церкви и что при этом говорил, я теперь не помню. Я поблагодарил его и деньги взял». (Допрос вёл Попов).

08.03.1937 г. Показания Варун-Секрет А.И.: «Знакома с Штокович А.Ф., Смирновой и знаю человек 10 ссыльных, фамилии которых не знаю. По прибытии в Сыктывкар в мае 1936 г. я очутилась в бедственном положении, не имея ни квартир, ни средств к существованию. Спросила местную гражданку, где можно найти комнату и рассказала ей о своём тяжёлом материальном положении. Она дала мне 1 руб. 20 коп. и указала, что комнату можно найти в Кочпоне. Я направилась в Кочпон и в пути встречных женщин я спрашивала, есть ли там ссыльные, где можно устроить приют. Одна местная женщина мне указала дом, где жил, как в последствии выяснилось, епископ Герман. Придя на квартиру к еп. Герману, я рассказала о своём тяжёлом положении материальном. Он дал мне денег, как мне помнится 5 руб. и на моё заявление, что я буду его должницей, еп. Герман мне ответил, что должницей не буду, а это будет как помощь, только что прибывшей в ссылку. При этом еп. Герман сказал, чтоб я обратилась за помощью и содержанием к Штокович А.Ф., которая, по словам еп. Германа, здесь находится 2-й раз и имеет много знакомых. Я поблагодарила его и ушла. В тот же день я зашла к Штокович и познакомилась с ней, она обещала сообщить мне, если она где-либо найдёт для меня квартиру. У Штокович я была на квартире всего лишь один раз и после этого не бывала. Встречались иногда с ней на улице, но редко. В моей квартире она была два раза, но в отсутствии меня и передавала через Пиотровича, живущего со мной в одной комнате, что в таких-то местах, можно мне давать уроки и т.п., одним словом, помогала находить работу. У еп. Германа была один раз. Помощь больше я ни от кого не получала. Занимала лишь деньги у Штокович и ещё у кого-то из ссыльных. Из ссыльных у нас на квартире бывал Лесников Семен Иванович, работает бухгалтером Аэрофлота». (Допрос вёл Попов И.Я.).

09.03.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Федотовской Марие я одно письмо посылал с Журавыным Александром. От неё также получил одно письмо в котором она просила меня по окончании ссылки заехать в Устюг, повидаться с ней, еп. Крыловым и др. знакомыми мне лицами. Станция Одинцово, это адрес быв. ссыльного по специальности техника-строителя Смирнова Владимира Ивановича. По этому же адресу проживает его родственник Некрасов. Смирнову я писал одно письмо, но ответа от него не получил. В с. Свердлово Московской обл. в квартире Журавлёвой Елизаветы Ивановны проживает знакомая мне монашка Саша, фамилию и отчество монашки не знаю. Переписку с монашкой Сашей имел, содержание писем сводилось к поздравлениям с праздниками, и днём ангела. Истомин Леонид Николаевич проживает пос. Опарино по улице Фрунзе. Истомин местный священник Опаринской церкви, познакомился с ним так же в Опарине по приезду в ссылку в 1934 г. Писал Истомину письма редко, приурочивая их к праздникам. В письмах писал о жизни в Сыктывкаре ссыльного духовенства. Сообщал Истомину о том, кто где устроился на квартире и как живёт. В с. Абакумово Московской обл. живёт знакомый уездный Московский протоиерей Некрасов Константин Никитич. Скородумова Анастасия, проживающая в Москве это моя знакомая по Волоколамску. Чем она занимается не знаю, в течении нескольких лет переписки со Скородумовой не имел. Совершенно не знаю кто такая Щеглова Зоя Васильевна, проживающая в Волоколамском р-не д. Биркино. Вначале этой ссылки, т.е. 1934 г. я от неё получил денежный перевод на сумму не больше 20 руб. Переписки с ней не имел. Цветкова Любовь Ивановна, это жена диакона с. Ярополец Московской обл. Переписки с

ней не имел. Вначале этой ссылки я получил от Цветковой одно или два письма, в которых она писала о смерти своей дочери и какой-то родственницы, у которой Цветкова воспитывалась». (Допрос вёл Петухов).

09.03.1937 г. Показания Васильева-Жукова М.С.: «С Штокович Александрой Фёдоровной я впервые познакомился в пути следования в ссылку на станции Опарино в 1934 г. Она также была выслана из Арзамаса, но по какому делу я не знаю. В Арзамасе с Штокович я не был знаком. Штокович жила с моей квартирой рядом, и я у неё бывал, но редко. Бывал на её квартире, потому что квартирохозяйка её меня обслуживала, стирала бельё. Говорил ли я Штокович о своих «снах» к-р содержания не помню, но допускаю, что возможно ей и говорил. При последних двух моих посещениях с Ермолиным, в квартире Ряшенцева встречали: Ряшенцева, Тарару, Давиденко Якова, Станкевича Иерона, Нижникова Варлаама, Шаламову М.А., монашек Ксению и Пелагию, и Лобанцеву Клавдию. Кроме того, были ещё ряд лиц, которые по окончании срока выехали. Один раз с Ермолиным мы ушли вместе, а второй раз при моём уходе он остался у Ряшенцева. Находясь в Кочпонской церкви, я стоял около клироса. После окончания церковной службы, Ряшенцев пригласил меня к дверям алтаря и протянул мне 5 руб. бумажкой и сказал, что «вот Вам помощь». За это я поблагодарил. О своём плохом положении Ряшенцеву я никогда не говорил, ни до этого случая, ни после. Посторонних людей на квартире Любимова и Смурьгина я не встречал. Из ссыльных в моей квартире бывали: Амосов один раз в конце 1936 г., Протопопов в январе 1937 г. два раза, Станкевич Иерон в 1937 г. два раза и Сергиевский тоже два раза. Разговоров на политические темы не были». (Допрос вёл Попов).

09.03.1937 г. Показания Ермолина С.Н.: «Из ссыльного духовенства я знаком со следующими лицами: епископом Германом, отцом Иоанном, Михаилом, Иаковым, Иероном, Досифеем, Мартиньяном, еп. Серапионом и Тарарой, с которыми мы вместе пели в Кочпонской церкви. В квартире еп. Германа я никогда не бывал. В квартире Смурьгина и Любимова я не бывал, а встречался с ними только в церкви Кочпона. У еп. Серапиона не бывал. С Амосовым Р.Н. мы не знакомы и его совершенно не знаю. Штокович А.Ф. я совершенно не знаю. При мне в мою квартиру из ссыльных никто не приходил. Бывали ли в отсутствие меня, мне не известно. Ряшенцев и Тарара у меня на квартире никогда не бывали. Еп. Серапион у меня на квартире также не бывал. Возможно он был у меня в моём отсутствии, но при мне он не бывал. Шаламову я встречал в Кочпонской церкви, но знаком с нею не был. Она никогда не бывала на моей квартире. У неё я тоже не бывал. У Германа Ряшенцева я ни разу не был и встречать там кого-либо не мог. Я там не бывал и признать это не могу. У Лобанцевых я бывал неоднократно, т.к. они являлись моими прихожанками. В квартире Лобанцевых я неоднократно встречал Тарару, Любимова и Смурьгина. На 20-й или 40-й день после смерти Лобанцевой Анны, я встречал священника Фёдора Веселкова, но кого ещё там встречал тогда, теперь припомнить не могу. С инвалидом Елькиным я знаком. Я его посещал как больного. Что он говорил о будущей жизни я не помню. Он всё время что-то говорил и понимать его трудно. Я вообще ему ничего не верил и едва ли кто-либо верит. Шевьякова Пелагия Ивановна бывшая ссыльная, мы бывали друг у друга. После выезда в Москву посылала одно письмо, а посылал ли я не помню. Проказов Михаил Алексеевич является сыном быв. ссыльного протоиерея Проказова Алексея Григорьевича, который умер в ссылке в Сыктывкаре и перед смертью попросил меня, чтобы сообщить его сыну. О его смерти я не сообщил и переписку с ним я не имел. Потапов был живописец и проживал в Сыктывкаре в 1929-30 гг., а затем выбыл. Каким образом у меня оказался его адрес, не знаю, ибо с ним я никакой переписки не имел. Мысов Прокопий Матвеевич проживает в В. Устюге. У него ночевал одну ночь, будучи в Устюге. Переписки с ним не имел и близко знаком не был. Гужев быв. ссыльный, выбыл в

1933 г. С ним был знаком по церкви, он был иеромонах. Переписку с ним имел, но теперь уже давно перестали писать. Беляева Ангелина Александровна жена бывшего служащего, выбывшего из Сыктывкара. Была знакома с Лобанцевой Анной Алексеевной и в письме спрашивалась, как живёт последняя. Южакова быв. ссыльная, старушка. Я посылал её одно письмо. Больше переписки с ней не имел. Шмиабарев Семён Флорович и Теркунова Ираида Флоровна родственники Южаковой. Последняя просила, чтобы письма посылать в адрес этих лиц, т.к. Южакова сама неграмотная. Окулова Алексея Ивановича я совершенно не знаю и с ним никакой переписки не имел. В защиту Троицкистов я не высказывался». (Допрос вёл Попов).

10.03.1937 г. Показания Шевалеевского С.М.: «Виновным себя не признаю. Антисоветской деятельности я никакой не проводил. На нелегальных сборищах церковников я никогда не был. После церковной службы я иногда заходил на квартиру к епископу Герману попить чаю. Никаких мероприятий мы не разрабатывали и антисоветских разговоров в квартире Ряшенцева не было». (Допрос вел Попов).

10.03.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю. Ссылное духовенство Сыктывкара, фамилии которых я перечислял на первых допросах, правда группировалось вокруг меня, но не для антисоветской работы, а исключительно в религиозных целях и в силу моих религиозных убеждений. Группировалось вокруг меня духовенство как любители церковного пения. Регенствовал в этом кружке в большинстве случаев я. При встречах со священником Ермолиным Стефаном я спрашивал у него об открытии Изкарской церкви. Посылали ходатайство в Москву». (Допрос вёл Петухов).

10.03.1937 г. Показания Тарара Иоаникия-Луки Дмитриевича: «Я знаком со следующими лицами: епископом Германом Ряшенцевым. С ним мы до ареста жили в одной квартире. Дальше знаю Любимова, Смурьгина, по имени Варлаама, Иерона. С указанными лицами, будучи в Опарино, Северного края, проживали вместе в одной квартире и в ссылку Сыктывкар прибыли также вместе. Знаком с епископом Серапионом Шевалеевским. С ним вместе проживали на одной квартире в Опарино и прибыли в Сыктывкар вместе. Знаю Мартимьяна Васильева Жукова. С ним в Опарино также жили на одной квартире. Знаю Штокович Александру Федоровну. С ней мы впервые встретились в Опарино, где она также жила некоторое время. Приехали в Сыктывкар вместе. Варун-Секрет Анну Ивановну я совсем не знаю. Ермолина я знаю, но близко знаком с ним не был. С Шаламовой Марией Александровной знаком. У нас на квартире бывали следующие лица: Любимов, Смурьгин, Шевалеевский, Ермолин Степан, Шаламова Мария Александровна, по имени Варлаам и Иерон. Указать точно, сколько раз и когда они бывали, не могу, ибо совершенно не помню. Бывали ли у меня Мартинян Васильев-Жуков и Штокович Александра Федоровна, я не помню. Бывала ли у нас когда-либо Варун-Секрет, я не знаю, ибо с ней не знаком. Я бывал на квартире у Ермолина Степана, но когда и сколько раз, не помню. Ермолин при моих посещениях был дома. Больше ни у кого я не бывал. У Смурьгина и Любимова я бывал, но когда именно, не помню. У Лобанцевой я бывал часто. Каждый раз после регистрации в НКВД, я оставался ночевать у них. У Лобанцевых я встречался с Смурьгиным и Любимовым. Больше будто там никого не встречал. Разговоров на политическое темы у нас не было. Елькина я совсем не знаю. Амосова я также не знаю». (Допрос вел Попов).

10.03.1937 г. Показания Тарары И.Д.: «Виновным в предъявленном мне обвинении я не признаю. Антисоветскую деятельность не проводил. Членом к-р группировки я не состоял. Никакой вербовки я не проводил». (Допрос вел Попов).

10.03.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «Виновным себя не признаю. Правда, в нашей квартире мы встречались с ссыльным архимандритом Станкевичем Иероном, с ссыльными монахами: Нижниковым Варлаамом Борисом Петровичем, Тарара Лукой Иоаникием Дмитриевичем, пели церковные песнопения. Изредка к нам заходил, по моему приглашению на чаепитие, местный священник Ермолин Стефан. Приходили также епископы Ряшенцев Герман, Шевалеевский Серапион и монах Васильев-Жуков Мартемиан. Вопросов организации церковников в городе, у нас на квартире собираясь, не обсуждали. Первое время я ходил к Штокович для оказания ей помощи, потому что в ссылку приехала она вместе с нами и средств к существованию почти не имела, в силу чего я ей оказывал посильную помощь продуктами. В 1936 и 1937 году, после переезда Штокович на квартиру в город, я к ней заходил чаще навестить её как знакомую. С Варун-Секрет в квартире Штокович я не встречался». (Допрос вёл Петухов).

10.03.1937 г. Показания Смургина А.В.: «Виновным себя не признаю. Поручений Ряшенцева я никаких не выполнял. Летом 1936 г. ко мне приезжала сестра Смургина К.В. Приезжала сестра в Кочпон отдохнуть и повидаться со мною. Жила она в Кочпоне три недели. Моя сестра жила на квартире Шаламовой М.А., в доме Александры Викторовны, фамилию не помню. От Сыктывкара до Котласа моя сестра ехала на пароходе вместе с Шаламовой. Шаламова тогда поехала проводить мою сестру и повидаться со своими знакомыми в В. Устюге. Шаламова при отъезде мне говорила, что в Устюге она поживёт и побывает у епископа Питирима Крылова. Зачем она хотела повстречаться не знаю. Возможно она имела ввиду получить разрешение на постриг в монахини, т.к. я знаю, что Шаламова через духовника Татрару Луку Дмитриевича подготавливалась к принятию монашества». (Допрос вёл Петухов).

10.03.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «Виновным себя не признаю. В антисоветской группе я не состоял и ни на каких собраниях я не присутствовал. О существовании этой группы мне не известно. Троцкий во время гражданской войны был вождём красной армии, когда и за что попал и где находится в данное время я не знаю. В защиту троцкистов я никогда не высказывался, но знал, что он, Троцкий и Ленин были вождями. На политику партии я не клеветал. Об открытии Изкарской церкви я никогда ни с кем не говорил». (Допрос вёл Попов).

10.03.1937 г. Показания Штокович А.Ф.: «Виновной себя не признаю. От Ряшенцева получала помощь в виде денег и продуктов, но это было очень редко, обычно к большим праздникам Рождество и Пасху. Варун-Секрет я оказывала помощь из своих средств.»

13.03.1937 г. Показания Трофимова А.И.: «С Амосовым я познакомился летом 1936 г., он приходил к нашей хозяйке за молоком. С 14 сентября 1936 г. я с Амосовым жил в одном доме на квартире по Интернациональной улице. Примерно в ноябре м-це 1936 г. Амосов Р.Н., находясь в моей комнате, в разговоре со мною, иронически сказал; «Всё работаете А.И.?», я ему ответил: «Работаю, но удивляюсь, почему Вы Р.Н., не работаете и на что существуете?». Амосов на это замечание ответил, что он без работы не живёт, а постоянно пишет заметки. Какие заметки, т.е. их содержание Амосов мне не рассказывал. Разговор о новой конституции я с Амосовым не имел. Малыгина Александра Андреевича я знаю с первого дня приезда в Сыктывкар, т.е с 1933 г. Первые два дня по приезде в Сыктывкар, я вместе с ещё двумя ссыльными, ныне освобождёнными, останавливался на квартире Малыгина. Позднее заходил к нему как к сапожнику с починкой обуви. С 14 сентября 1936 г. Штокович А.Ф. у меня на квартире не бывала. Встреч со Штокович за последнее время я не имел. Варун-Секрет ко мне за помощью не обращалась. Правда, в октябре или в ноябре м-це 1936 г. у меня было очень много работы по аптекобазе, поэтому я при встрече со ссыльной Штокович А.Ф., последней предложил, не желает ли она взять часть моей работы.

Штокович от работы отказалась и порекомендовала, что часть работы у меня может выполнить за особую плату ссыльная Варун-Секрет. На следующий день Варун-Секрет заходила ко мне на работу в аптекобазу, спросила какая у меня есть работа и сказала, что она ко мне на квартиру в помощь пошлёт одного своего знакомого. После разговора Варун-Секрет прислала ко мне на квартиру своего знакомого, как-будто Пиотрович, который за 3-4 часа работы помощи мне почти никакой не оказал, я от такого помощника постарался отделаться, дал ему 3 руб. и больше работать не пригласил. Варун-Секрет о причинах своей высылки мне не рассказывала». (Допрос вёл Петухов).

16.03.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С. «19 ноября 1936 г. ко мне на чаепитие приходили: Любимов Михаил, Смурьгин Александр, Шаламова Мария Александровна, Нижников Варлам-Борис Петрович, проживающий вместе со мною Тарара Лука Дмитриевич, Фокиева Пелагия, квартиро-хозяйка Попова Мария Васильевна, местный священник Веселков Фёдор с женой и из города приходила Лобанцева Клавдия Алексеевна, были дочери Поповой – Елена и Граня, а также племянница Поповой, Забоева Глафира Степановна. Забоева Глафира происходит из религиозной семьи и сама тоже верующая. Бывая у меня на квартире, она обращалась ко мне за разъяснением некоторых религиозных вопросов, которых она недопонимала. Иногда я ей поручал что-либо купить в городе, поэтому возвращаясь обратно, она, купленные продукты, приносила мне на квартиру. Попова Елена приходила ко мне со своим горем после ареста мужа и рассказывала о том, как сложилась её жизнь. В большинстве случаев дочери Поповой бывали у меня на квартире вместе с матерью. К Тараре Луке в январе 1937 г. раза 4-5 приносила молоко девица из Чита Сидорова Мария». (Допрос вёл Петухов).

16.03.1937 г. Показания Тарары И.Д.: «Указать точное время, когда и кто бывали у нас на квартире, я затрудняюсь, ибо не помню. За исключением Любимова, Смурьгина и Шаламовой, остальные лица у нас бывали редко. Был ли кто-либо у нас на квартире из ссыльных монахов в декабре 1935 г., я совершенно не помню. Я не отрицаю, что Смурьгин, Любимов, Станкевич, Смирнов и др. были, но не помню, когда, ибо они бывали у нас на квартире часто. Кто был на сборище в ноябре 1936 г. я не помню. Забоева Глафира Степановна к нам на квартиру заходила. Забоева ходила к Ряшенцеву, но зачем я не знаю». (Допрос вёл Попов).

17.03.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «Спевки в нашей квартире со Смурьгиным были на протяжении 1935 и 1936 гг., в большинстве случаев в воскресные и праздничные дни. На спевки приходили: архимандрит Иерон Станкевич, Нижников Варлаам и Тарара Лука Дмитриевич, реже к нам на квартиру для чаепития приходил епископ Ряшенцев Герман, Шевалеевский Серапион, монах Мартиньян и местный священник Ермолин Стефан. В день моего Ангела 13 октября 1936 г. к нам на квартиру приходили: еп. Герман Ряшенцев, отец Лука Тарара, была ли Шаламова М.А. не помню. 26 ноября 1936 г. к нам на квартиру по случаю именин Смурьгина на чаепитие приходили те же лица, которые были на моих именинах. Кроме того, ещё были Нижников Варлаам, Шаламова М.А., иеромонах Лебедев Всеволод. В 1935 и 1936 гг. 19 ноября и 24 декабря ежегодно собирались на именины епископа Германа и отца Луки. В указанные дни в квартире Ряшенцева Германа и Тарара Луки приходили те же лица, что и к нам со Смурьгиным. В день ангела Германа кроме нас приходила из города Лобанцева Клавдия Алексеевна. Шевалеевского Серапиона и местного духовенства на именинах Германа и Луки я лично не встречал. Из наших ссыльных к отцу Луке как к духовнику, кроме меня ходили Станкевич Иерон, Смурьгин Александр, Нижников Варлаам. Из местных я никого не помню. Из местных в 1936 г. перед смертью в ноябре мес., Тарара Лука в присутствии меня производил постриг в монашество Лобанцеву Анну Алексеевну. Других лиц, которые подготавливал к монашеству Тарара указать не могу. Журавин Александр

Васильевич к нам стал заходить после переезда на квартиру Забоевой зимой в январе 1937 г. До этого с ним я встречался в Кочпонской церкви. Забоева Глафира Степановна начала меня посещать и Смурьгина в первый год ссылки, когда мы ещё жили на кирпичном заводе. Приходила к нам на квартиру и в Кочпон. В большинстве случаев она заходила к нам с какими-либо продуктами питания. Сидорова Мария к нам на квартиру не заходила. Правда раза 2-3 раза в церкви мне передавала молоко. Ходили ли эти лица на квартиру Ряшенцева и Тарары не знаю. Я ничего не скрываю, т.к. бесед с ними не имел. На следствии буду давать правильные показания. Припоминаю один случай, что в январе 1937 г. Журавин Александр, не помню с каким-то вопросом о жизни святого Василия Великого, обращался ко мне. Что я ему говорил не помню. Правда молодёжь Забоева Глафира, Сидорова и Журавин обращались ко мне с вопросами о том, в какие дни будет тот или иной большой праздник. На это я давал соответствующие ответы. Давал также им разъяснения по вопросам церковного пения». (Допрос вёл Петухов).

18.03.1937 г. Показания Васильева-Жукова М.С.: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении признаю полностью. Отбывая ссылку в Сыктывкаре, я действительно имел связь и встречался с ссыльными: Амосовым Рафаилом Николаевичем, Штокович А.Ф. и ссыльным духовенством, проживающим в Кочпоне и Тентюкове. Не имея средств к существованию, получал материальную помощь от Ряшенцева Германа. При встречах с указанными лицами и др. рассказывал сон монаха антисоветского характера». (Допрос вёл Петухов).

20.03.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Дружиной называется организованная монашеская община. В селе Кочпон такой дружины я не организовывал. В 1935 г. переписку с архимандритом Клементьевы я имел, по вопросу о пострижении в монашество, обращавшейся ко мне за советом на постриг, Шаламовой Марии Александровне. На организацию монашеских общин, т.н. «священных дружин» Клементьев, как и я, смотрел отрицательно. Учитывая настоящие условия церковной действительности, он рекомендовал одиноким женщинам подражать подвижникам «институту первохристианских диаконисс», т.е. вести аскетическую жизнь, совершая под духовническим руководством, отца духовного, определенное монашеское правило. Пострига в монашество Шаламовой Марии Александровне я не производил. Женской монашеской общины в Кочпоне не было. Мужской общины также не было. Своим выражением «священная дружина» Клементьев называл ссыльное монашество, проживающее в Кочпоне. В состав монашеской группы, которой я давал советы духовного характера, входили: Любимов Михаил, Смурьгин Иоанн, Тарара Лука, Нижников Варлаам, архимандрит Иерон Станкевич, Дудник Арсений, Анастасий Тихонович, Воспьякин Иван, Гаврил Филипович, раза два ко мне приходил монах Васильев-Жуков Мартемьян. Имел ли Шевалеевский Серапион какое-либо отношение к перечисленным выше лицам не знаю, в Кочпон он ходил редко. Наставлений от епископа Питирима Крылова по руководству группой монашества в Кочпоне я не получал. Кроме духовных задач, я лично и примыкающие ко мне монахи, ни каких иных задач не ставили. Я лично считал своим долгом, путём личного примера, в духовной жизни, и исполнения монашеских обязанностей, воздействовать на окружающую среду и людей слабых в вере. Такой же совет по вопросам духовной жизни я давал и монашеству, примыкавшему ко мне». (Допрос вел Петухов).

20.03.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «Не подтверждаю, ибо у Ряшенцева на квартире я никогда не был. Показания Тарары не подтверждаю, ибо у них на квартире не бывал. Переписку с еп. Питиримом Крыловым не имел. Правда я писал одно письмо Крылову, но благочинный Веселков это письмо послать мне не разрешил, ссылаясь на то, что будет бесполезным. В этом письме я спрашивал как поступить дальше, поскольку тогда не имел средств к существованию. От Питирима Крылова писем я не получал. К приему или отказу Тентюкова Михаила Ивановича я

никакого отношения не имел и это дело ко мне не относилось. Если его не приняли в диаконы или же в сторожа, то это известно церковному совету, который вопросом подбора кадров занимается не зависимо от меня. Когда Тентюков заявил о своём желании служить диаконом или сторожем в Нижнеконецкой церкви, то я действительно спросил у благочинного Веселкова можно ли его принять, на что получил ответ, что поскольку средств не имеется, то от приёма Тентюкова следует воздержаться. О том, что Тентюков обновленец и поэтому принимать нельзя, чтобы он не вредил тихоновцам, разговоров у нас с ним не было и я в свою очередь, также об этом никому не говорил. Из ссыльного духовенства в доме на панихиде у Тентюкова Александра Владимировича никого не было. На панихиде у меня были Лобанцева К.А. и Полуянова А.Ф. Из Кочпона никто не был. Я всего лишь один раз видел Германа Ряшенцева в Нижнеконецкой церкви, но, когда, сказать не могу. Детей с советскими именами я не крестил и это нельзя. Если этому же ребёнку назовут другое имя – православное, то таких крестить можно». (Допрос вёл Попов).

26.03.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «Рукопись Амосова «Что самое важное в жизни человека», записанная в школьной тетрадке, у меня действительно была. Передавал эту рукопись для прочтения мне как будто Смурьгин А.В. На сколько я помню, после моего разговора с Амосовым о разделении церкви он мне сказал, что у него есть личная записка, рекомендовал мне прочесть её, и тем самым иметь ясность в вопросе разделения церкви, и его личное мнение по этому вопросу. Для чтения рукопись Амосова я никому не передавал. Что говорил о содержании её с епископом Ряшенцевым, не помню. Кроме меня эту рукопись читали только Смурьгин Александр, проживающий в одной квартире со мною. Прочитав рукопись Амосова, Смурьгин мнения своего о ней не высказывал, а передавая мне, сказал: «хотите прочитать», и я взял её. Прочитав рукопись Амосова, я также своего мнения о ней Смурьгину не сказал. Спустя примерно месяц после получения этой рукописи, я её лично передал обратно Амосову Рафаилу Николаевичу при встрече с ним на почте или около газетного киоска в конце лета 1936 г. Точно дату не помню. При передаче рукописи Амосову, на его вопрос, прочитал ли я её? – ответил, да, прочитал. Поблагодарил Амосова за рукопись, своего впечатления о содержании её, на сколько помню, ему тогда не рассказывал. Штокович этой рукописи я не читал». (Допрос вел Петухов).

28.03.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «В дни регистрации на квартире Лобанцевой Клавдии Алексеевны вместе со мною заходили отдыхать: Тарара Лука, Смурьгин Александр, Фокиева Пелагия; встречался раза два в 1936 г. с Сидоровой Марией. В начале 1937 г. при встречах с Сидоровой Марией в квартире Лобанцевой были Тарара Лука, Лобанцева Клавдия, проживающая у Лобанцевой, Полуянова Анастасия. Сидорова туда заходила обычно после работы. Первый раз она что-то приносила больной Лобанцевой Анне Алексеевне. Вторично она вместе со мной и другими пила чай. Разговоров никаких с ней не имел и останавливался я у Лобанцевой не больше часа, а затем уходил к себе на квартиру в Кочпон. Тарара Лука оставался ночевать у Лобанцевой. Тарара о Сидоровой говорил, что она благочестивая девица, но живёт в семье плохо, потому что её братья неверующие. 22 февраля 1937 г. я вместе с Любимовым Михаилом ходил в Нижнеконецкую церковь к обедне. Из Кочпона кроме нас тогда ходили Смурьгин Александр, Шаламова Мария, Фокиева Пелагия. В квартире Ермолина на поминках были епископ Шевалеевский, Станкевич, члены семьи Ермолина Степана и квартирная хозяйка с дочерью. Тарара Лука оставался в Кочпоне. Поминая умершую родственницу Ермолина, мы немного пели. Мы с Любимовым ушли раньше. До нас в Кочпон ушли Фокиева Пелагия и Шаламова Мария, последняя заходила к своим родственникам в городе. 7 декабря 1936 г. ко мне заходил Ермолин Степан после обедни попить чай. Ермолин рассказывал, что его приглашают священником в

Нижнеконецкую церковь. Обычно наши разговоры с ним проходили в споре о церковном пении». (Допрос вел Петухов).

01.04.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «Трусев Михаил Георгиевич - это игумен, который до нас, будучи в ссылке, жил на квартире нашей хозяйки. Знакомства с ним не имел, адрес его оказался у меня, потому что по просьбе хозяйки Забоевой Александры Андреевны, 23 февраля 1937 г. я послал Трусеву Михаилу почтовый перевод на сумму 10 руб. её денег. Зотов Михаил Андреевич это знакомый нашего старца Абашидзе Антония. Проживал Зотов в Ашхабаде. Возможно в бытность мою ещё в Киеве, Зотов Михаил и приезжал из Ашхабада к старцу Абашидзе, но встречался ли с ним не помню. Я лично получал от него один или два перевода. Очевидно приезжал Зотов к Абашидзе, как своему знакомому повидаться. Раньше Абашидзе был епископом в Туркестане. Перед праздником пасхи весной 1936 г. я получил письмо от Абашидзе, в котором он писал, что Зотов мне пошлёт деньги и в том же письме он просил, чтобы по получении денег я ответил Зотову. Адрес Ряшковой Е.П., проживающей в Москве мне дала в 1936 г. бывшая ссыльная Таисия Ивановна, проживающая в Кируле, которая сказала, что при возвращении из ссылки в указанной квартире в Москве я могу остановиться. Проживающие в Ленинграде: Александрова Марина Михайловна, работница швейной мастерской, проживала по Лиговской улице. Майкова Екатерина Петровна, старуха пенсионерка, проживает Проспект 25 октября. С этими я имел переписку, находясь в ссылке. Надеценко Миродора Фёдоровна живет в Ленинграде на попечении своих детей. Щучкина Анна Ивановна, служащая октябрьской ж\д. Сотова Параскева Васильевна, портниха. Воронцова Мария Никоноровна, пенсионерка. Крюков Григорий Федорович, мой знакомый доктор, где он работает сейчас не знаю, с 1930 г. сведений о нём не имею и не переписываюсь. Кашина Таисия Спиридоновна, бывшая ж\д дорожница, сейчас пенсионерка. Моя тётка Яковлева Александра Алексеевна, муж её пенсионер, Яковлев Пётр Яковлевич, работает где-то бухгалтером. Александрова Евдокия Александровна, пенсионерка живет на Васильевском острове. Лесовская Екатерина Алексеевна, старуха, живет на иждивении своих детей. Мещерский Никита Александрович, работает счетоводом Ленинградского университета. Лобковский Георгий Константинович, служащий. Кукминская Валентина Федоровна, кассир или счетовод почтового отделения на Васильевском острове. Шестакова Юлия Ивановна, старуха пенсионерка. Зубарев зубной врач живет в Киеве. Профессор Свенсон заведовал одной Киевской тифозной больницей, к нему я обращался с просьбой устроить, т.е. положить в больницу больного монаха Сильвестра, последний умер в 1934 г. В Москве проживает сестра бывшей ссыльной Яковлевой П.Ф. Яковлева Ольга Федоровна. На эту квартиру Пелагия Федоровна просила зайти при возвращении из ссылки. Яковлева П.Ф. писала письма в Сыктывкар Лобанцевой К.А., последняя мне рассказывала об этом. Архимандрит Киево-Печорской лавры Гермоген Степанович Голубьев находится в лагерях станция Сухобезводная Московско-Курской ж\д.». (Допрос вел Петухов).

04.04.1937 г. Показания Шевалеевского С.М.: «На квартире Ряшенцева в 1936 г. я бывал несколько раз. Иногда там встречал архимандрита Иерона. Один раз также встречал Ермолина Степана, но время точно не помню. С Ермолиным вместе у Ряшенцева тогда был и архимандрит Иерон. При каждом моих посещениях у Ряшенцева бывали Тарара и Фокиева, которые проживают в одной квартире с Ряшенцевым. 19 декабря 1936 г. я был на квартире Ряшенцева, по приглашению последнего, который в Кочпонской церкви мне сообщил, что у него будет ссыльный епископ Стефан Вологодский и мне необходимо с ним познакомиться. Там кроме меня и епископа Стефана были ещё архимандрит Иерон, сам Ряшенцев, Тарара и Фокиева. Больше там я ни с кем не встречался, ибо зная, что у Ряшенцева часто бывали собрания монахов, по окончании

церковной службы, поэтому избегал встречи с монахами, дабы не было никакого недоразумения. Исходя из этого, к Ряшенцеву я всегда заходил уже после, как разошлось собрание монахов. О том, что на квартире Ряшенцева собирались собрания монахов, мне лично говорил Ряшенцев в Кочпонской церкви и при этом предупреждал меня, что сегодня у него будет собрание монахов и я должен зайти к нему на квартиру позднее, после окончания собрания. Об этих собраниях мне было известно ещё и со слов ссыльных монахов. На этих собраниях я неучаствовал, и перечислить лиц бывших там, я не могу. Мне только известно, что у Ряшенцева собирались певчие монахи, но кто из них там был, мне не известно. Из певчих монахов в Кочпонской церкви мне известны: Смурьгин, Любимов, архимандрит Иерон, Довиденко Яков и Досифей. В Кочпоне я бывал редко, только по большим праздникам и как часто устраивались собрания монахов в квартире Ряшенцева, мне не известно. Ссыльные монахи в материальном отношении жили не важно, поэтому после окончания церковной службы епископ Герман приглашал их к себе, как я понимаю, по долгу гостеприимства и в целях поощрения их. С самого начала своей ссылки, я отрицательно относился ко всякого рода собраниям ссыльных монахов, потому что такие собрания могли навлечь на себя подозрение со стороны власти. Какой характер носили собрания монахов на квартире Ряшенцева, мне неизвестно, но я избегал от этих собраний исключительно потому, чтобы не попасть под подозрение со стороны органов власти. 19 декабря 1936 г. на квартире Ряшенцева с епископом Стефаном мы познакомились впервые, и при этом он нам никакой информации не делал. В начале 1937 г. в Нижнеконецкой церкви я встречался с Лобанцевой Клавдией Алексеевной, которая мне сообщила, что у неё были собрания монахов, в связи с похоронами и поминками её сестры Лобанцевой Анны Алексеевны. Сам я на этих собраниях не участвовал, и кто там был, мне не известно. О том, кто был на этих собраниях, у Лобанцевой я неспросил и она также мне не сказала. Ссылный иеромонах Васильев-Жуков Мартиньян Сергеевич мне рассказывал какие-то сны, но это было года три тому назад, притом не придавал им никакого значения, поэтому воспроизвести содержание этих снов не могу. За время нахождения в ссылке в Сыктывкаре, на квартире Смурьгина и Любимова я бывал раза три или четыре. У Смурьгина и Любимова я бывал потому что они оба молодые монахи, и интеллигентные люди, и я ими заинтересовался, как людьми с молодых лет перешедших в монашество и крепко держатся за это. Кроме того, я брал у них литературу для чтения. На квартире Смурьгина и Любимова я никого из посторонних не встречал, за исключением того, что один раз встречался там с Ряшенцевым, Шаламовой Марией Александровной и Довиденко Яковом». (Допрос вёл Попов).

05.04.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «На квартире Веселкова Федора я бывал в 1936 г. неоднократно и в 1937 г. до ареста три раза. На квартире Веселкова я встречал ссыльных еп. Серапиона и архимандрита Иерона Станкевича. В 1936 г. я неоднократно бывал на квартире Веселкова и иногда даже ночевал, но разговоров о войне и перемене власти с моей стороны никогда не было. Был ли разговор о красной и старой армии я не помню, но о том, что между этими армиями нет никакой разницы, говорить не мог. Да, я говорил, что Троцкий и Зиновьев были вождями, об этом не отрицаю. (Из показаний Федора Веселкова: «... у меня на квартире Ермолин Степан рассказывал, что из трудколони «Верхний Чов» отпустили 400 человек, потому что из заграницы почувствовали толчок. Иностранные государства уже достаточно подготовились для войны и фактически уже начали её на наших границах...» Веселкова Анастасия Васильевна подтверждает эти показания). Отрицаю, потому что этого я не говорил. Никаких сборищ в квартире Лобанцевой я не устраивал. У Лобанцевой я бывал неоднократно для совершения треб. Там я иногда встречался с Тарарой, Любимовым и Веселковым. 24 декабря 1936 г. я был на квартире Лобанцевой. (Из показаний Веселкова: «Ермолин говорил, что жизнь в колхозах стала

невозможной, крестьян всюду притесняют. Раньше крестьянин жил во много раз лучше, чем теперь».) Этого я не говорил». (Допрос вёл Попов).

07.04.1937 г. Допрос начался 23 часа 30 минут. Показания Шевалеевского С.М.: «Во время своих посещений, на квартире Федора Веселкова я иногда встречал Степана Ермолина с женой и архимандрита Иерона Станкевича, с которым мы вместе ночевали у Веселкова. Кроме того, за последнее время до ареста, там несколько раз встречал Николая Вологодского, с которым мы также вместе ночевали. Должен оговориться, что с архимандритом Иероном у Веселкова вместе не ночевали. Разговоров на политические темы на квартире Веселкова, с указанными выше лицами, никогда не было. Взаимоотношения с Веселковым и его женой у нас были хорошие. Я к ним относился вежливо и корректно, а к самому Веселкову с уважением, как настоятелю храма. (Показания Ф.Веселкова от 25.03.1937 г.) 14 февраля 1936 г. на квартире Веселкова я был, но разговоров на политические темы там не было. Клевету на Законы советской власти также не высказывал. С Веселковым Федором разговор действительно имел место. Я не клеветал на законы советской власти, а лишь говорил о том, что местные органы власти нарушают законы советской власти по закрытию церквей. Как пример, я приводил случай закрытия церкви в г. Моршанске. Видимо Веселков не понял моих слов как следует. В квартире Ермолина я был 22 февраля 1936 г. В нижнеконецкой церкви Ермолин пригласил меня к нему на квартиру, объяснив тем, что у него в этот день поминки по сроднице. Я, конечно, не отказался и пошёл к нему. На квартире Ермолина кроме меня были: епископ Герман Ряшенцев, Любимов Михаил, Смुरыгин Иоанн, Шаламова Мария Александровна, архимандрит Иерон, Фотиева Пелагия и ещё несколько старух незнакомых мне. Разговоров на политические темы при мне там не было. Оттуда я ушёл первым. При моём уходе у Ермолина остались Ряшенцев, монахи и Шаламова. Когда они ушли мне не известно». (Допрос окончен 0 час. 50 мин. 8 апреля 1937 г. вел Попов).

08.04.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «1 февраля 1936 г. у меня был Веселков Федор с бумагой от епископа, где говорилось, что в таком старинном городе не осталось церквей. О налогах говорил, что они часто исчисляются налоговыми органами неправильно, а отсюда имеют место случаи переобложения храмов чрезмерными налогами. Разговор с Любимовым, Смурыгиным и Веселковым в конце января 1936 г. был о роспуске синода в Москве. В письмах от своих знакомых сообщалось, что члены синода, получили продолжительный отпуск и поехали по своим домам. Я неоднократно предупреждал Любимова, Смурыгина и Тарару, чтобы они без надобности не заходили на квартиру Лобанцевой Клавдии Алексеевны, т.к. этим мы на неё могли навлечь неприятность. Тарара Лука оставался в квартире Лобанцевой в силу болезненного состояния Анны Алексеевны и утешал её совместными молитвами. В мае 1936 г. в Кочпонской церкви Веселкову я говорил, на основании данных из советских газет, что с победой Абессинии Италией развяжутся руки всякого агрессора». (Допрос вёл Петухов).

08.04.1937 г. Показания Тарара И.Д.: «В 1937 г. на квартире Ермолина я ни разу не был. При последнем моём посещении на квартире Ермолина из ссыльных я никого не встречал. У Ермолина я всегда бывал один. Ходил в Нижнеконецкую церковь и, по приглашению Ермолина, заходил к Ермолину. По моему приглашению у меня на квартире из ссыльных никогда не бывали. Был ли кто у меня 24 декабря 1935 г., я теперь не помню. Ссыльные монахи и др. лица у нас на квартире бывали, но не вместе и случая, чтобы все эти лица вместе собирались в моей квартире, не было и быть не могло. 24 декабря 1935 г. на квартире Лобанцевой я не помню был ли, может и был, ибо там бывал часто. Кого встречал у Лобанцевой также не помню. Указанных выше лиц на квартире Лобанцевой я встречал, но не всех вместе, а по отдельности. Время встреч я не помню. Разговоров на политические темы там у нас не бывали. О положении крестьян Ермолин при мне ничего не

говорил. (зачитывается показание Веселкова от 23.05.37 г. о высказываниях Ермолина о положении крестьян). Не подтверждаю. Такого разговора не было. (зачитывается выдержка из показаний Веселкова Федора от 23.03.37 г. об оскорбительном выражении Смурьгиным по адресу работников Горсовета). Этих слов со стороны Смурьгина я не слышал и подтвердить не могу. В квартире Лобанцевой я никаких сборищ не устраивал. (зачитывается выдержка из показаний Веселкова Федора от 25.03.37 г. об устройстве сборищ в квартире Лобанцевой и присутствии там Забоевой и Сидоровой). Показания Веселкова считаю ложными. Этого не было и признать я не могу. С Сидоровой Марией я встречался, но разговоров с ней не имел. Встречались обыкновенно в церкви в с. Кочпон, и она подходила под благословление ко мне. Сидорова у меня на квартире не бывала. (зачитывается выдержка из показаний Ряшенцева Г.С. от 28.03.37 г. о встрече с Сидоровой Марией на квартире Лобанцевой). Ряшенцев даёт правдивые показания, но я не помню и подтвердить, что встречался с Сидоровой не могу». (Допрос вёл Попов).

11.04.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «Дело Амосова показывать, но я с ним не знаком и его не знаю и разговоров не имел. Поскольку Амосова я не знаю, то он видимо на меня даёт ложные показания. 22 февраля 1937 г. у меня на квартире были Ряшенцев, Смурьгин, Любимов и Шаламова. У Ряшенцева я никогда не был. У квартирохозяйки Ряшенцева – Поповой М.В. я действительно иногда бывал, но к Ряшенцеву не заходил. На квартире Ряшенцева я встречал – самого Ряшенцева, Тарару и живущую вместе с ним Пелагию. Там же встречал архимандрита Иерона, Смурьгина и Любимова. При мне разговоров о конституции не было. Васильев-Жуков клеветает, иначе бы не стал показывать то, чего не было. С ним у нас взаимоотношения хорошие». (Допрос вёл Попов).

13.04.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «В конце августа 1936 г. в церкви я имел разговор по процессу над членами троцкистско-зиновьевского центра. В разговоре я сказал, что все тонкости нам трудно знать. Лично я не верил в моральное и политическое разложение Зиновьева и Каменева. Ссылное духовенство посещало меня на квартире. Считал своим долгом оказать моральную поддержку оказавшемуся в условиях ссылки духовенству и материально помочь им на сколько хватала возможность. Исходя из этого по воскресным и праздничным дням собирал ссылное духовенство главным образом монашество и местных в частности Ермолина Степана, Шаламову Марию, которые бывали у меня реже остальных». (Допрос вёл Петухов).

13.04.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «С Амосовым мы знакомы, но близкой связи с ним не имел. С Амосовым, когда он проживал в Тентюково, с сентября 1935 г. по день выбытия из квартиры в Сыктывкар, я встречался часто. После того, как он стал жить в городе, с ним встречался реже. Амосов у меня на квартире был один раз осенью 1936 г. Он приходил просить меня, чтобы я отпевал кого-то умершего. Амосов даёт неправильные показания, поэтому подтвердить их не могу. У Амосова не был, а как-то встретившись в дороге, я ему сообщил о тяжёлом положении с налогом и попросил его написать мне жалобу в горфинотдел, что он и сделал. Больше жалоб он мне не писал». (Допрос вёл Попов).

14.04.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Я объединял то ссылное монашество, которое приходило ко мне. Как епископ считал своим долгом оказать им моральную поддержку в условиях ссылки, помочь им сохранить свой облик. Специально собиранием монашества не занимался. В письме к епископу Велико-Устюжскому Николаю я ставил вопрос только о тайном постриге в монашество Шаламовой М.А., высказывая на это свой отрицательный взгляд. Писал ему, какие монахи живут около меня. На сборищах адм. высланных монахов в моей квартире редко, но бывали местный священник Ермолин Степан и из мирян Шаламова А.А. и Лобанцева.

Лично я никакой работы среди молодёжи не вёл, если не считать того, что давал несколько религиозных советов Глафире Забоевой». (Допрос вёл Выжлецов).

14.04.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «Я не отрицаю, что имел связь с Амосовым Рафаилом Николаевичем. В течении 1936 г. он несколько раз бывал у меня на квартире. У него на квартире я также был один раз летом 1936 г. Ходил к Амосову просить его написать жалобу по налогам в обфинотдел, т.к. с\совет обложил меня большим налогом и к тому же неправильно. Амосов мне действительно написал одну жалобу. Больше жалоб он мне не писал. Кроме всего этого я часто с Амосовым встречался на дороге. При посещении Амосова у меня посторонних никого не было. У Амосова посторонних также не было». (Допрос вёл Попов).

14.04.1937 г. (вторичный). Показания Ермолина С.В.: «Политических разговоров с Амосовым при встречах у нас не было. Осенью 1936 г. встретившись на улице с Амосовым, последний меня знакомил своими «поправкам» к ст.124 проекта новой конституции и тогда же спросил у меня, кто может подписать этот документ для того, чтобы отправить его в Москву. На это я ему ответил, что кто подпишет не знаю. Кто подписывал эти «поправки» и посылал ли её Амосов в Москву, мне не известно и после этого он мне об этом не говорил. Точное содержание его «поправок» к конституции я не помню, но в одном из пунктов указывалось о разрешении свободы, как антирелигиозной так и религиозной пропаганды». (Допрос вёл Попов).

15.04.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «Мне припоминается, что Амосов словесно знакомил меня с основными положениями своей рукописи «Что самое важное в жизни человеческой?», но когда и где, и содержание этих положений, я теперь не помню. Возможно он знакомил меня при встречах на улице, т.к. с ним я встречался очень часто, почти каждую неделю. Положения, изложенные Амосовым в условиях настоящего времени, я считаю не обоснованными и поэтому особого внимания не обращал на это и теперь возможно из-за этого и не помню. Амосов при этом говорил, что «какая же может быть свобода совести, когда только допустима антирелигиозная пропаганда, а религиозная нет». Амосов из этого делал вывод, что этим самым преследуют религию. Тогда же Амосов приводил, что в какой-то конституции по вопросу о религии права были шире, но в какой именно конституции, я хорошо не понял и утверждать не могу». (Допрос вёл Попов).

16.04.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «Установок по вопросам участия церковников в предстоящих выборах в советы от Ряшенцева и Смурьгина я не получал. На квартире Ряшенцева, последний в беседе со мною говорил, что теперь будет издана новая конституция, по которой каждый имеет право выбирать и быть избранным. Эта конституция нас не касается, т.к. всё равно нас не выберут и идти на выборы нам незачем. Эта конституция даёт нам только право голоса при выборах, а по религиозным вопросам осталось всё по-прежнему. В беседе со мной Амосов говорил, что «между новой и старой конституцией никакой разницы нет. У предыдущей конституции права были шире, чем у новой». Других разговоров с ним по этому вопросу не было». (Допрос вёл Попов).

16.04.1937 г. (вторично). Показания Ермолина С.В.: «О том, что у нас с Ряшенцевым был разговор о новой конституции я не отрицаю, но установки его и давал ли он их мне, совершенно не помню. Давал ли к-р установки Ряшенцев у себя дома на квартире я не помню. Были какие-то разговоры о не правильном обложении налогами. Разговоры с Амосовым на политические темы не помню. Лично я был убеждён, что раньше до революции товаров было больше и дешевле, а теперь наоборот. Да, в одной из встреч с Амосовым мы имели беседу с ним, что раньше до революции жилось лучше, товара и продовольствия было много, дёшево и хорошего качества, а теперь

наоборот, товаров мало, цены на них высокие и т.п. Где и когда происходил разговор, я не помню. Также не помню, присутствовал ли кто-либо из посторонних во время этого разговора». (Допрос вёл Попов).

17.04.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «Никаких установок от Амосова в связи с его рукописью «Что самое важное в жизни человеческой» я не получал». (Допрос вёл Попов).

19.04.1937 г. Показания Шевалеевского С.М.: «С Амосовым я познакомился в 1935 г. по прибытии в ссылку Сыктывкар. При каких обстоятельствах произошла наша первая встреча и знакомство, я теперь припомнить никак не могу. С Амосовым я встречался очень редко и то на улице. На его квартире я никогда не был, и он у меня также. Разговоров на политические темы при встречах с Амосовым не было. Новую конституцию в проекте и после её утверждения с Амосовым мы никогда не обсуждали. С рукописью «Знаменитый сон монаха» Амосов не знакомил. Об этом от Амосова я никогда ничего не слышал и совершенно не знал о существовании рукописи по этому вопросу. Содержание рукописи «Что самое важное в жизни человеческой» мне не известно. При встречах с Амосовым, последний мне ничего об этом не говорил. О конституции разговоров я ни с кем не имел. С Ряшенцевым обсуждение конституции у нас не было. В моём присутствии Ряшенцев установок о подготовке к выборам в советы не давал и разговоров на эту тему у нас не было. Другого ответа я дать не могу, ибо разговоров на эту тему лично я ни с кем не имел». (Допрос вёл Попов).

19.04.1937 г. Показания Васильева-Жукова М.С.: «Рассказывал ли Амосов когда-либо к-р клевету на проект новой конституции я не помню. К своему ответу от 8 марта 1937 г. я могу добавить то, что в беседе о конституции Амосов говорил, что «пункт в конституции о свободе есть только громкая фраза. Какая может быть свобода совести, если только разрешается свобода антирелигиозной пропаганды, а религиозной нет». Больше разговоров с ним на эту тему у нас не было. Летом 1936 г. я ходил в Кирульскую церковь снимать образ. Около церкви я встретил Амосова и митрополита Михаила Князевского, которые стояли под кедровым деревом. Амосов и Князевский о чём-то вели беседу, но о чём, не помню. Участия в беседе между Амосовым и Князевским я не принимал. Как-то один раз Амосов мне говорил, что в связи с новой конституцией, нам – духовенству предоставлено право голоса и будем выбирать – участвовать при выборах в советы. Установок о подготовке к выборам от Амосова не получал. С документом Амосова «Что самое важное в жизни человеческой» я совершенно не был знаком, и Амосов по этому документу никаких установок мне не давал. Ермолин Степан в беседе с Ряшенцевым заявил, что «по новой конституции Изкарскую церковь откроют обратно. В этом он надеется и настойчиво ходатайствует перед центром». О подготовке к выборам в советы по новой конституции, в квартире Ряшенцева при мне разговоров не было, и установок по этому вопросу от Ряшенцева, лично я не получал, поэтому другого ответа, на поставленный вопрос, дать не могу». (Допрос вёл Попов).

19.04.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «Никаких к-р установок на собраниях монахов Ряшенцев нам – присутствующим не давал. Другого ответа дать не могу». (Допрос вёл Попов).

20.04.1937 г. Показания Шевалеевского С.М.: «В 1936 г. Трофимов проживал в Тентюкове у Анны Ильиничны. К последней я ходил за бельём, т.к. она мне стирала. Во время своих посещений я видел Трофимова, но знакомства с ним не имел. Никогда никаких разговоров с Трофимовым я не имел. Жил он в отдельной комнате и при мне заживал на кухню по своим делам и уходил обратно, ввиду чего иметь с ним разговоры не было возможности. С Штокович Александрой Фёдоровной мы высланы из г. Арзамаса по одному делу. Находясь в ссылке в Сыктывкаре, она

проживала на квартире у той же Анны Ильиничны – моей прачки и при своих посещениях я встречался с ней, но разговоров на политические темы не имел. Я имел переписку со следующими лицами: со Словцовой Александрой Макаровной, проживающей в г. Арзамасе. Она будет мне родной сестрой; с братом родным – священником Шевалеевским Михаилом Макаровичем, проживающем в селе Н. Матрёнка Воронежской обл.; с близко знакомыми мне лицами, проживающими в г. Моршанске и Арзамасе: в Моршанске – с Александровой Александрой Петровной, в монашестве Серафима; с Марией Ивановной Коньковой – церковница. В Арзамасе – с Винокуровой Наталией Ивановной – в монашестве Нектария. Больше переписки ни с кем не имел. Характер переписки носил чисто личный, частный. Эти же лица оказывали мне материальную помощь, когда я приехал в ссылку Сыктывкар». (Допрос вёл Попов).

20.04.1937г. Показания Тарары Л.Д.: «Забоева Глафира Степановна на нашей квартире бывала не часто. Захаживала она к Ряшенцеву Герману. Забоева захаживала в нашу квартиру к Ряшенцеву принимать от него благословление и уходила обратно. Лично я с Забоевой беседы никогда не имел. Как только она приходила к нам на квартиру, то проходила в комнату к Ряшенцеву и там они между собой о чём-то беседовали. При приходе Забоевой я выходил в кухню и участия их беседах не принимал, т.к. там мне присутствовать не разрешалось. Никаких к-р установок от Ряшенцева я не слышал. Лично я никаких разговоров на политические темы не слышал. О конституции у нас разговоров не было, что такое конституция, я никогда не слышал и о ней представления не имею. Новую конституцию у нас на квартире никогда не обсуждали. (допрошенные Ермолин Степан и Васильев-Жуков Мартиньян подтверждают это). Другого ответа дать не могу. Обсуждения конституции у нас на квартире я никогда не слышал. Никаких установок по этому вопросу Ряшенцев никому не давал». (Допрос вёл Попов).

21.04.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «В 1928 г. летом я заходил в Московскую патриархию, где имел беседу о церковных делах с архиепископом Филиппом Гумилевским, который рассказал о том, что в Лондоне происходит христианский съезд, на котором поднимался вопрос об объединении церковью Греческо-Восточной христианской с Англиканской, представителем которой является епископ Кентерберийский. В 1935 г., находясь здесь в ссылке, из журнала патриархии я узнал о расхождении епископа Евлогия с митрополитом Сергием, в результате чего митрополит Сергей Евлогия считает отколовшимся. В марте 1937 г. в камере я имел разговор о переговорах Евлогия с епископом Кентерберийским в Лондоне с арестованным Туркиным. Я ему говорил, что объединение будет большим событием, имеющим громадное значение для укрепления Греческо-Восточной церкви в целом, а не только русской церкви. Евлогий является сторонником либерального течения церкви. Объединение староцерковников и обновленцев для русской церкви имели бы большое значение в смысле укрепления её». (Допрос вёл Петухов).

23.04.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Средства для помощи ссыльным монахам получал от своих родных, проживающих в Москве Ряшенцевой Ольги Степановны и Харламовой Татьяны Егоровны. Два раза от Московского епископа Воскресенского Сергия. Из верующих, где я ранее был епископом, посылали деньги и посылки (перечислены имена). Из бывших ссыльных присылали деньги монах Орудов А.А., протоиерей Лебедев В.С. В конце 1935 г. получил денежный перевод от Харьковского епископа Лептяева Иннокентия. Тарара Лука в основном получал деньги из Киева от членов общины, где был настоятелем. Любимов и Смुरьгин получали денежную помощь из Киева от Антония Абашидзе и своих родственников. Мне известно, что Шаламова собирала средства и оказывала материальную помощь заключенному монаху Трусову Михаилу, который ранее находился здесь в ссылке. В конце 1936 г. она из местных деревень приносила мне, и другим ссыльным, шерсть для валенок. Каких-либо установок по сбору средств Шаламовой

я не давал. Осенью 1936 г. она, перед уходом в Ыб Сыктывдинского р-на, заходила ко мне и говорила, что идёт странствовать и повидать своих знакомых». (Допрос вёл Петухов).

25.04.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «В кругу своих близких ссыльного монашества я неоднократно высказывал настроения о том, что судебная политика власти, в отношении нас, духовенства, слишком сурова. Беря пример с себя лично, говорил, что большой разницы в действиях ВЧК. ОГПУ. НКВД нет. Между прокурором и НКВД есть договоренность и последний едва ли откажет в даче санкции на арест того или иного гражданина. Весной 1936 г. в разговоре с диаконом Усть-Куломской церкви Нестеровым Алексеем высказал удивление, что ихнему священнику Попову суд дал очень большое наказание. Из разговоров о налогах помню единственный случай с монашкой Забоевой Ангелиной, которая обращалась ко мне с вопросом, надо ли её платить налог. Не лучше ли отказаться от службы в церкви и тем самым избавиться от налога. На это я ей дал совет продолжить служить в церкви, а в случае если налог будет наложен на неё неправильно, тогда пусть обратится к отцу Фёдору Феселкову, который ей напишет обоснованную жалобу о снижении налога. 28 ноября 1936 г. Шевалеевский приходил ко мне на квартиру, вместе с ним тогда же приходил епископ Знамеровский Стефан. Собирались мы втроём по случаю нашего общего академического праздника. 19 ноября 1936 г. в кругу своих знакомых я говорил, что многие положения в конституции понять местные органы власти не смогут и проводить в жизнь скоро не будут». (Вёл допрос Петухов).

25.04.1937 г. Показания Тарара Л-И.Д.: «Никаких разговоров у нас на квартире о конституции не было, и я лично не слышал. Был ли между кем-либо когда-либо разговор о новой конституции в нашей квартире, я не знаю и лично я не слышал. Другого ответа дать я не могу. Провокационных слухов о близкой войне и голоде в СССР я не распространял. Этого не было и припомнить не могу. О гонении на православных я не говорил. Другого ответа дать не могу». (Допрос вёл Попов).

26.04.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «Факты сборищ ссыльного монашества по праздничным дням на квартирах у меня со Смурьгиным и у Ряшенцева подтверждаю. Никаких целей на них я лично не ставил, за исключением того, что путём чаепитий на сборищах, оказывалась небольшая услуга монашеству. Материальной помощи, кроме Штокович А.Ф., я никому не оказывал. Неимущему монашеству, заходившему на квартиру, оказывал небольшую услугу. Ходил по приглашению Ряшенцева и Тарары на чаепития в праздничные и воскресные дни». (Допрос вёл Петухов).

27.04.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «Летом 1936 г., после того как в печати был опубликован проект новой конституции СССР, в квартире Ряшенцева я с ним и Тарарой имел разговор по проекту новой конституции, во время которого сказал, что с положениями о религии старой конституции не знаком и произойдут ли какие изменения в этом отношении по новой конституции? У всех у нас было недоумение, о дальнейшем существовании Церкви, и общин верующих, согласно новой конституции. Мы считали, что ясности в этом вопросе в проекте новой конституции нет, а поэтому должны быть дополнительные указания. Я лично недовольства не высказывал по ст.124. Помню, в разговоре со мною по этому вопросу, Смурьгин А.В. говорил, что в прежней конституции наряду со свободой антирелигиозной пропаганды разрешалась свобода и религиозной пропаганды. Смурьгину я возражал и говорил, что об этом в прежних конституциях не говорилось. Последний с моим доводом не соглашался и оставался при своём мнении. В разговоре со Смурьгиным я предполагал и приходил к выводу, что разницы между старой и новой конституциями по вопросу религиозной пропаганды нет. Смурьгин же из своих рассуждений делал вывод, что по старой конституции в вопросе религиозной пропаганды было

больше преимуществ, по сравнению с опубликованным проектом новой конституции, согласно которой религиозная пропаганда не допускается. При этом мы имели разговор вдвоём у себя на квартире. Допускаю, что при этом разговоре о проекте конституции, мог быть Нижников, который заходил к нам чаще». (Допрос вёл Петухов).

28.04.1937 г. Показания Тарара Л-И. Д.: «О том, что идёт гонение на православных, я нигде, никогда не говорил. (Пешкова Анна Ивановна показала, что вы на квартире Лобанцевой говорили о гонении со стороны власти на православных). Отрицаю, потому что этого не говорил. Подтверждаю, что на квартире Лобанцевой я действительно говорил, что раньше было гонение на Иисуса Христа, а теперь идёт гонение на нас православных и нам из-за этого приходится страдать. Была ли там Сидорова Мария, я теперь не помню. Раз свидетель Пешкова показывает, значит она там была, но я хорошо не помню и отрицать, что она не была не могу». (Допрос вёл Попов).

28.04.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «Клеветнических антисоветских разговоров я и Смुरьгин у себя на квартире по проекту конституции с ссыльным монашеством не имели. Точно разговоров у нас на квартире не помню. Припоминаю, что Нижников с опубликованием конституции, неоднократно обращался ко мне и спрашивал, отпустят ли нас досрочно из ссылки? Я отвечал, что предполагать об освобождении ничего нельзя и данных для этого нет. По вопросу о выборах, мы правда, не имея ещё в тот момент достаточной ясности, приходили к выводу, что духовенству будут предоставлены права избирать и быть избранными без всяких ограничений, т.е. наравне с остальными слоями населения». (Допрос вёл Петухов).

29.04.1937 г.: Показания Шевалеевского С.М.: «Антисоветских разговоров при мне не было и принимать участия в них я не мог. Другого ответа дать я не могу. О новой конституции мы делились впечатлениями с епископом Германом, но антисоветского ничего не высказывали. О том, что в связи с новой конституцией всех ссыльных освободят и они уедут из ссылки, лично я не говорил, и разговоры от ссыльного духовенства и монахов я также не слышал. Другого ответа я дать не могу». (Допрос вёл Попов).

29.04.1937 г. Показания Васильева-Жукова М.С.: «При мне Ряшенцев никаких установок не давал. Разговаривал он больше всего со своими приближёнными, как-то с Ермолиным Степаном, Станкевичем Иероном и др. Давал ли Ряшенцев какие-либо установки этим лицам, мне не известно. Установок по вопросам подготовки к выборам в советы от Ряшенцева я не слышал и сказать ничего не могу». (Допрос вёл Попов).

30.04.1937 г. Показания Васильева-Жукова М.С.: «Клеветы о гонениях со стороны соввласти на религию и духовенство не распространял никогда. Другого ответа дать не могу, т.к. по этому вопросу я ни с кем, никогда не разговаривал». (Допрос вёл Попов).

04.05.1937 г. Показания Тарара Л-И. Д.: «О разговорах к-р содержания, каковые имели место в квартире Лобанцевой я давал показания 28 апреля 37 г. и её подтверждаю. Были ли ещё разговоры когда-либо, я теперь не помню. Никаких к-р разговоров в квартире Лобанцевой я не слышал, хотя вместе с ними там бывал. Разговоров о плохом положении крестьян при советской власти от Ермолина я никогда не слышал. (зачитывается выдержка свидетеля Веселкова Федора от 23.03.37 г. о высказывании Ермолиным к-р разговоров о положении крестьян при советской власти). Такого разговора от Ермолина я не слышал и другого ответа дать не могу. (Веселков показывает, что Смурьгин оскорбительно выражался по адресу работников горсовета). Я этого не слышал и другого ответа дать не могу». (Допрос вёл Попов).

08.05.1937 г. Показания Шевалеевского С.М.: «Будучи архиереем в Моршанске в течении пяти лет, я столовался у Александровой. Она также стирала мне бельё. Как хорошо знакомой до ареста, поддерживал с ней письменную связь, она помогала мне материально. Газетова – церковница. Когда я служил в Моршанске, она также мне прислуживала. Переписку я с ней не имел, ввиду того, что она не грамотная. Газетова в Моршанске проживает с церковницей Коньковой Марией Ивановной, которая часто бывает в отлучке. Поэтому, посылая письмо Коньковой, я адресовал на имя Газетовой. С Коньковой я переписывался. С Понжинской я знаком по Моршанску, она раньше была послушницей в каком-то монастыре и в последнее время проживала вместе с Александровой и мне прислуживала. Регулярной переписки я с ней не имел, а лишь были случайные письма, писал их, когда она оказывала мне материальную поддержку. Переписка с Понжинской носила чисто деловой характер. Винокурова Наталья Ивановна, проживающая в Арзамасе, монахиня, моя хорошая знакомая. Когда я служил там, она прислуживала мне в церкви. Иногда она оказывала мне материальную помощь и имели с ней переписку, но она носила чисто деловой характер. Конькова мне также оказывала материальную помощь. Переписка с ней носила также деловой характер. От Сони посылок я не получал. Как я предполагаю, в Моршанске есть одна знакомая Соня, фамилию которой я не знаю. Она бывшая рабочая в каком-то монастыре. До 1933 г. она жила вместе с Александровой и по одному с ней делу была осуждена в концлагерь, а Александрова – в ссылку. По возвращении из концлагеря они уже не живут вместе. Переписки с Соней я не имел. Другой Сони я не знаю. Дарья Яковлевна, фамилию которой я не знаю, проживает в Моршанске. Она верующая, иногда помогала мне материально, посылала посылки. Переписку с ней я не имел. Ванда Эмильевна также из Моршанска – верующая, оказывала мне материальную помощь, но переписки с ней я не имел. От Александры Александровны Синельниковой, проживающей в Моршанске, я получал одну посылку, но личности её не знаю; видимо, какая-то верующая. Переписки с ней не имел. Посылку от Синельниковой я получил перед самым арестом и собирался написать письмо, но не успел. Елена Михайловна, фамилию которой я не знаю, мне просто знакомая по Моршанску. Материальной помощи от неё не получал и никакой переписки не имел. Может быть когда-либо и получал от неё рубля три. П.М.Н. – это Винокурова Наталия-Нектария Иванова, о которой я уже показывал выше. Бабина Анна Ивановна и Ксения Петровна проживают в Арзамасе. Обе верующие бывшего моего прихода. В письме Винокуровой я писал – давал поручение, чтобы она передала привет и поздравления в связи с праздником. Другого поручения политического характера я не давал. Я им писал один раз, а они мне нет. Татьяна Ивановна бывшая квартирохозяйка в Арзамасе. С ней переписки не имел, но иногда я писал ей случайные письма. Отец Александр, по фамилии Черноуцан, проживает в Арзамасе и служит настоятелем кладбищенской церкви. Переписывались с ним весьма редко. С ним вместе служили в соборе. Переписка носила частный характер. Посылая письма в Арзамас через Винокурову, я преследовал цель – дабы меньше было почтовых расходов. Посылая всем этим письма в одном конверте, я сэкономил деньги. Других целей я не имел. В своих письмах к-р установок и поручений я не давал и мыслей не было. Варвара Ивановна будет дочерью Бабаниной Анны Ивановны, проживающей в Арзамасе. Переписку с ней я не имел. Николай Поимский бывший священник, проживает в Моршанске. Никакой переписки с ним не имел и не помогал мне. Никакой связи с епископом Венедиктом Козловским я не имел и даже не знаю его личности. Понаслышке он управляет Тамбовской епархией и городом Моршанском. С епископом Иоанном мы знакомы по Моршанску. Переписку с ним я не имел. Фамилия его – Георгиевский. Он уже не служит. Вера Владимировна верующая из Моршанска. Никакой связи я с ней не имел. Шуренкову я совершенно не знаю. А.А. будет Анна Андреевна, моя хорошая знакомая. За последнее время связи письменной не имели. Она является женой бывшего фельдшера Матвеевич. С Матвеевичем мы были знакомы, но с ним переписку не имел. Почему Анна

Андреевна просила написать мне её письмо через Шуренкову, мне не известно, но видимо, чтобы скрыть связи со мной от кого-либо». (Допрос вел Попов).

09.05.1937 г. Показания Шевалеевского С.М.: «На собраниях монахов в квартире Ряшенцева я не бывал. По этому вопросу я уже давал показания на предыдущих допросах. Действия Ряшенцева, выразившиеся в устройстве у себя на квартире собрания монахов, я не поддерживал и не одобрял, ибо знал, что оно может навлечь нежелательные последствия. Зная это, Ряшенцев однако продолжал это дело. Ввиду этого я избегал этих собраний, и заходил к Ряшенцеву уже после окончания собраний монахов, когда они уже расходились. Предчувствия, что устройство этих собраний приведет к нежелательным результатам для нас, я предупреждал Васильева-Жукова Мартинияна, чтобы он реже ходил в Кочпон на эти собрания. Какой характер носили эти собрания, мне не известно. Лично я избегал этих собраний, дабы этим не навлечь подозрение со стороны органов власти. О характере собраний монахов на квартире Ряшенцева, последний мне никогда не говорил. О том, что я избегал этих собраний, Ряшенцев знал и поэтому зная моё настроение, он приглашал меня к себе после того, как разойдутся монахи». (Допрос вёл Попов).

13.05.1937 г. Показания Шевалеевского С.М.: «Архиепископом Вассианом мы хорошо знакомы. Он был архиепископом Тамбовским. С ним мы имели переписку делового характера до 1934 г., т.е. до моей высылки. После того, как я попал в ссылку, он перестал мне писать и с начала 1934 г. с ним прекратилась и переписка, и всякие отношения. В данное время, по сведениям, он находится в ссылке где-то в Сибири, но где именно, сказать не могу. В ссылке он находится уже второй год. Из ссылки он писем мне также не писал. Пётр Григорьевич Сергиевский был протодиакон архиепископа Вассиана. Он вместе с Вассианом был арестован в конце 1935 г., и где находится в данное время, мне не известно. Переписки с ним я не имел. С епископом Венедиктом я совершенно не знаком. Мне было известно, что он поступил на место Вассиана. Переписки с ним я не имел и что он из себя представляет, не знаю. По инициалам А.В.В., кто он такой, сказать затрудняюсь. Возможно я его знаю, и он меня знает, но догадаться не могу. Бабины – Анна Ивановна и дочери Лиза и Варя проживают в Арзамасе. С ними имел переписку, но очень редко, письма были случайные, они также писали мне редко. Переписки к-р содержания с Винокуровой я не имел. Может быть она в силу своей малограмотности иногда допускала не правильные и не желательные выражения. Александра Макаровна моя сестра. В письме Винокуровой указывается о том, что меня возьмут с Мартинияном 1 марта. Об этом ей рассказала сестра Александра Марковна. Я совершенно не знаю, с чего и откуда она взяла это. В письме Винокуровой указывается, что будет перепись религий. Под этим, видимо, подразумевают перепись населения». (Допрос вёл Попов).

13.05.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Перед уходом «странствовать» по Сыктывдинскому р-ну Шаламова, как верующая, заходила ко мне, как епископу, за благословлением. Никаких поручений по церковным и другим вопросам я Шаламовой не давал. Обработку и подготовку к монашеству среди ссыльных и местного населения города и села Кочпон, до моего приезда в ссылку, проводил бывший ссыльный монах Трусов Михаил, последний в данное время отбывает наказание в концлагере. Мне известно, что он подготовлял в этом направлении бывших ссыльных девиц Яковлеву Пелагию Фёдоровну и Долганову Фаину Ивановну. Из местных вдову Шаламову Марию Александровну и девиц Сидорову Марию и Забоеву Глафиру. Я лично также сторонник монашества, но при современных условиях считаю возможным проведение работы среди верующих только в отношении подвижничества и безбрачия. Надо заметить, что Сидоровой и Забоевой Трусов только давал совет на безбрачие. Шаламовой Марии я давал совет на подвиг – жить жизнью «диакониссы», о чём в своих письмах писал Устюжским архиепископам Клементьеву

и Крылову. Ведя беседы на религиозные темы с местными девицами Забоевой Глафирой и Сидоровой Марией, подготовлял для «безбрачия». На обработку Журавина Александра, слесаря лесозавода, в монашество Любимову и Смурьгину и другим я поручений не давал. Жил Журавин на квартире в одном доме с монахами». (Допрос вёл Петухов).

13.05.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Шаламовой Марии я давал советы на подвиг и подражание жизни «диакониссы». Об этом в своих письмах писал Устюжским архиепископам Клементьеву и Крылову. Кроме того, находясь в ссылке в Кочпоне, я имел беседы на религиозные темы с местными девицами: работницей типографии Забоевой Глафирой и машинисткой Сидоровой Марией, из которых имел ввиду подготовить к «безбрачниц». В начале 1933 г. познакомился с Трусевым в Кирульской церкви. Перед отъездом в Арзамас, по окончании предыдущей ссылки. Трусев в феврале того же года приходил ко мне на квартиру и пригласил меня до отъезда в Арзамас побыть у него. Через несколько дней после этого приглашения я ходил к нему. По приезде в ссылку в Коми область 1934 году, я Трусеву в Кочпоне не застал. Насколько мне известно, он сейчас где-то отбывает наказание в концлагерях. О вербовке Трусевым в монашество, мне в 1935 г. рассказывали бывшие ссыльные девицы: Яковлева Пелагия Федоровна и Долганова Фаина Ивановна, которых он обрабатывал и подготовлял к монашеству. Из местных, Трусев, находясь в ссылке, имел общение по квартире с Шаламовой Марией. Последняя, возможно, как результат его монашеского влияния, в 1935 и 1936 годах неоднократно обращалась ко мне с просьбой на постриг её в монашество. Из местной молодёжи Трусев имел общение с Забоевой Глафирой и Сидоровой Марией и, насколько мне известно, давал им совет быть «безбрачными». Вербовкой и организацией тайного монашества в Кочпоне я не занимался. Монашеству и светскому населению, обратившимся ко мне за советами по церковным вопросам духовной жизни, я всегда давал соответствующие разъяснения и советы. Сторонником тайного монашества никогда не являлся и ими не руководил. Лично ко мне летом 1936 года из Москвы в Кочпон приезжала 2-юродная сестра Харламова Татьяна Егоровна. Около того же время из Москвы в Кочпон к монаху Смурьгину Александру приезжала его сестра Смурьгина Клавдия Васильевна. В 1935 г. в Кочпон приезжала дочь Шаламовой – Шаламова Лидия Прокопьевна. С перечисленными выше лицами я лично встречался на квартире у себя, Шаламовой и Смурьгина Александра. Связей с монашеством через них не устанавливал. В конце 1936 или в начале 1937 г. от Четверухиной Евгении из Москвы получил посылку. Четверухина вдова, жена священника церковница. Переписки с Четверухиной не имел. В январе 1937 г. после получения от неё посылки, написал её письмо, в котором благодарил за помощь и вместе с этим просил узнать и сообщить мне действительно ли умер митрополит Пётр Крутицкий. Ответа по этому вопросу от неё не получил. Возможно с моим письмом Четверухину знакомила бывшая ссыльная церковница Михайлова Мария Ивановна». (Вёл допрос Петухов).

14.05.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Михайлова Мария Ивановна проживает в Вышнем Волочке Калининской обл. С Четверухиной Михайлова познакомилась в Москве, где до ссылки она жила. Ко мне на квартиру Михайлова заходила. Приходила ко мне за разъяснением и советами по аскетической жизни. На что я давал соответствующие разъяснения. Михайлова поехала в Вышний Волочек на работу как медсестра. Пригласил её туда знакомый врач её. Для связи с моими знакомыми в Москве Михайлову не вербовал. Знаю, что она ездит в Москву для лечения глаз и при выездах имеет встречи с Четверухиной как со своей знакомой. В кругу своих знакомых при встречах по газетным данным я иногда высказывал антисоветские настроения. Антисоветские настроения высказывал в кругу наиболее близких группирующихся вокруг меня ссыльных монахов». (Допрос вёл Петухов).

14.05.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Был недоволен на статью 124 новой Конституции. Считаю прежнюю редакцию Конституции более совершенной, потому что в ней наряду с антирелигиозной пропагандой разрешалась свобода религиозной пропаганды, чего нет в новой редакции. Считал, что новая Конституция по ряду вопросов носит чисто декларативный характер, так, например, я не верил в неприкосновенность личности, как записано в Конституции. Был недоволен тем, что духовенство фактически не имеет возможности быть избранным в советы, так как права выставлять кандидатуры по новой Конституции предоставлено только партийным, профсоюзным, кооперативным и другим общественным организациям. Был также недоволен на карательную политику соввласти по отношению духовенства. По перечисленным вопросам я имел разговоры в кругу монашества, группировавшихся вокруг меня у себя на квартире. Признаю, что часть выписок, в отобранной у меня записной книжке, имеют к-р характер. Зачитывал все свои выдержки, указанной книжки только ссыльному монаху, проживающему со мной на квартире Тарара Луке. Вторая, большая часть выписок в ней, касалась монашеской жизни. Эту часть выписок при переписке со своими знакомыми, проживающими в центральных областях Советского союза, я отправлял последним как агитационный материал за монашество. Ссылные монахи мне не возражали, думаю, что разделяли мои антисоветские взгляды. Из местных мои антисоветские взгляды о новой Конституции разделял Ермолин Степан, с которым о ней я имел разговор у себя на квартире в начале января 1937 г.». (Вел допрос Петухов).

14.05.1937 г. Показания Шевалеевского С.М.: «Никакой работы по вербовке и организации к-р групп тайного монашества я не проводил и сказать по этому вопросу ничего не могу. Другого ответа дать не могу. Я показал правду». (Допрос вёл Попов).

14.05.1937 г. (вторичный допрос). Показания Шевалеевского С.М.: «С епископом Стефаном Вологодским на квартире Ряшенцева и Веселкова встречался лишь два раза, но при этом он никакой информации нам не давал. В первый раз с ним я встречался и познакомился в квартире Ряшенцева 19 декабря 1936 г. Вторично у Ряшенцева были 7 января 1937 г. В ночь с 6 на 7 января с Стефаном Вологодским мы ночевали в квартире священника Веселкова. В день 7 января из церкви мы с ним пошли к Веселкову, а затем уже, как разошлось собрание монахов у Ряшенцева, были у последнего. Тогда же я предупредил Стефана Вологодского, что у Ряшенцева бывают собрания монахов, поэтому идти к нему в это время не следует. 19 декабря 1936 г. в квартире Ряшенцева были архимандрит Иерон, Тарара и Фокиева. Был ли 7 января у Ряшенцева архимандрит Иерон, теперь я не помню. Никаких мероприятий по проведению к-р работы мы не намечали и обсуждение этого вопроса не имело места. Со слов других лиц, от кого теперь не помню, я слышал, что к Ряшенцеву на квартиру ходят молодые девицы, но лично видеть не приходилось. Также не могу указать, кто из девушек бывали там, но предполагаю, что у Ряшенцева бывали певчие девушки, в числе которых были и Маня Сидорова и Граня Забоева. Зачем они ходили, мне не известно». (Допрос вёл Попов).

14.05.1937 г. Показания Тарара Л.-И. Д.: «Я не отрицаю, что в квартире Ряшенцева устраивались сборища монахов, но признать носили ли эти сборища к-р характер, не могу, ибо со стороны присутствующих разговоров на политические темы я не слышал. Как я представляю, на этих сборищах разговоры бывали бытового характера. На квартире Лобанцевой я действительно говорил, что советская власть преследует православных безвинно, и последним приходится мучаться. Больше к-р выступлений с моей стороны не было и рассказать что-либо по этому вопросу не могу. На собраниях монахов с к-р клеветой на конституцию я не выступал, но сам к конституции относился отрицательно, считая, что в ней много обещано, но не будет дано народу. Также считал, что мы лишены возможности участия в советах. То, что я показал выше о новой

конституции – это моё личное мнение и нигде этого своего мнения, я не высказывал». (Допрос вёл Попов).

14.05.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «Я подтверждаю, что ссыльное монашество, проживающее в Сыктывкаре было сгруппировано Германом Ряшенцевым, возглавлялось им. К числу этих лиц принадлежал также и я, Любимов. Целью этого сгруппирования являлась материальная и моральная помощь ссыльным монахам. Сборы происходили в течении 1935 и последующих годов по воскресным и праздничным дням, чаще всего, в квартире Германа Ряшенцева, бывали и у меня, Любимова, на квартире. При посещении, проживающими в Кочпоне монахами, Сыктывкара заходили к Лобанцевой К.А., проживающей по Крестьянской улице. Я, Любимов М., Смурьгин А., Станкевич Иерон, Нижников Варлаам, Демиденко Яков, Ганивовк Досифей, некто Афанасий, Штокович А.Ф., Лобанцева К.А., Шаламова М.А. Эти лица посещали Германа Ряшенцева и меня. Сюда следует прибавить ещё Тарару Луку, который жил вместе с Германом Ряшенцевым. Обсуждались вопросы религиозного характера, обсуждался вопрос о новой конституции, при чём оговариваюсь, что на эту тему разговор происходил между мною и Ряшенцевым, кажется, при этом был Тарара. В этом разговоре мы оба пришли к одному мнению, что вопрос о религии остаётся неясным и должны последовать разъяснения. Ни я, ни Ряшенцев своего отношения к этому не высказывали. Разговор со Смурьгиным о новой конституции у меня был. Происходил он дома у нас, нас было при этом только двое. О том, что Смурьгин назвал новую конституцию фантазией, такого разговора я не помню. Я отрицаю, что ссыльное монашество привлекало молодёжь. Никакой молодёжи мы не вовлекали. Что касается Марии Сидоровой, Глафиры Забоевой и Александра Журавина, то их мы не вовлекали, они были верующими до нашего прибытия в Кочпон». (Допрос вёл Якуб).

15.05.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Да, признаю, что я вокруг себя имел группу ссыльного монашества, в которую из местных входили Ермолин и Шаламова. Помимо того, что группируясь, мы имели возможность оказывать моральную и материальную помощь ссыльному монашеству и даже отдельным ссыльным, не монахам. Входившие в эту группу монашество и другие, как и я, при встречах и беседах по отдельным вопросам политического характера высказывали антисоветские взгляды. Свои антисоветские взгляды и разговоры Любимов, Смурьгин, Тарара и Ермолин при встречах и беседах со мною в основном высказывались по вопросам политики партии и советской власти касающихся религии и духовенства». (Допрос вел Петухов).

15.05.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Примерно в январе 1937 г. разговор по новой Конституции с Шевалеевским я имел у себя на квартире. На мой вопрос: «Что можно ожидать по ней?» - Он тогда иронически ответил: «Едва ли можно ожидать каких-либо улучшений в отношении положения церкви по новой конституции». Васильев-Жуков свои антисоветские взгляды на политику партии и советской власти при встречах со мною прямо не высказывал. Монахи Нижников Варлаам, Ганивовк Досифей, посещая мою квартиру, своих взглядов по политическим вопросам не высказывали. Они бывали у меня значительно реже ссыльного монашества, т.к. оба большую часть времени находились на работе. Нижников работал маляром в разных организациях города, а Ганивовк до глубокой осени 1936 г. был пастухом, а остальное время работал чернорабочим в хозяйственных организациях города. При встрече со мною примерно в феврале 1933 г. у себя на квартире Трусев рассказывал, что он грузинский монах, сторонник единения грузинской церкви с русской. Шмит Александра Филипповна до конца 1934 г. находилась здесь в ссылке. Уроженка Смоленской губ. По окончании ссылки Шмит выехала на Кавказ и проживает сейчас в Баку, о чём мне рассказала Шаламова, которая с ней переписывается. В конце 1935 г. через Шаламову от Шмит я получил 20 руб. денег. В том же году

она прислала письмо, в котором сообщала о смерти мне знакомого епископа Поликарпова Митрофана, который служил в Баку. Я лично Шмит послал одно письмо. В основном в письмах Шмит Шаламовой жаловалась на обстановку в Баку и своих родственников, среди которых ей трудно жить. Через Шаламову мне известно, что Шмит имеет переписку с заключенным Трусевм, часть писем последнего Шмит в своих письмах посылала в Кочпон на имя Шаламовой и Забоевой Александры Андреевны. Я лично читал одно письмо Трусева, но содержания не понял. Помню, что были поклоны Тараре, Любимову, Смурьгину, мне и другим ссыльным монахам, проживающим в Сыктывкаре. При встрече 21 ноября 1936 г. у меня на квартире с Шевалеевским и Знамеровским, Николаем Знамеровским нам рассказывал о некоторых перемещениях духовенства, что после его, епископом в Вологду назначен Соколов Иоанн, в Архангельск Урлефский Никон. Тогда же кратко говорил, что на предстоящем съезде советов будет утверждена новая Конституция, по которой мы, духовенство, получаем права наравне с остальными гражданами принимать участие в предстоящих выборах в советы». (Вёл допрос Петухов).

15.05.1937 г. Показания Тарара Л-И. Д.: «Да, признаю, что Герман Ряшенцев группировал вокруг себя монашество. Это он делал самостоятельно без меня. Да, Ряшенцев у себя на квартире систематически устраивал нелегальные сборища монахов. На квартире Лобанцевой сборища также устраивались, но кто был инициатором этих сборищ, я не знаю. Устраивались ли сборища по инициативе Ряшенцева, сказать не могу. Сборища монахов на квартире Любимова и Смурьгина устраивались без согласия и ведома Ряшенцева, Смурьгиным и Любимовым самостоятельно, на которых Ряшенцев и я – Тарара также бывали. Ссылное духовенство вокруг себя Герман Ряшенцев организовывал с целью того, чтобы им оказывать моральную и материальную поддержку в условиях ссылки. Сказать, носила ли эта группа к-р характер я не могу, т.к. разговоров на политические темы на этих сборищах слышать не приходилось. Кроме пострига в монашество на смертном одре Лобанцевой Анны Алексеевны, которая к этому была готова, я никакой работы больше не проводил. Ряшенцев этой работой также не занимался. Лично я никакой обработки среди местной молодёжи не проводил. О том, что Забоева Глафира захаживала на квартиру к Ряшенцеву я не отрицаю, и об этом уже показал на предыдущем допросе. С Маней Сидоровой я был знаком, с ней встречался в церкви и в квартире Лобанцевой. Журавина Александра знаю. С ним встречался на квартире Лобанцевой. Ходил ли он к нам на квартиру, я не помню. Лично я материальную помощь получал от своих прихожан Александро-Невской и Знаменской церковных приходов в г. Киеве. Сам я родственников и близких знакомых там не имею. Посылали помощь прихожане, большинство которых я не знаю. Ряшенцев и другие также получали материальную помощь, но откуда и от кого, мне не известно. За последнее время денежные перевод я получал по 100, 50 рублей и меньше. Ссылным материальной помощи я не оказывал, а оказывал лишь незначительную помощь нищим. Моя материальная помощь ссыльным выражалась в починке обуви, в ремонте окон и т.д. Кому и какую материальную помощь оказывал Герман Ряшенцев, мне не известно, ибо он мне об этом не говорил. Также не знаю, оказывал ли кому-либо материальную помощь Смурьгин и Любимов. Об оказании материальной помощи нуждающимся ссыльным на сборищах монахов предметом обсуждения не стоял. Больше сказать я ничего не имею». (Допрос вёл Попов).

15.05.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «С Трусовым я не знаком и не видел его никогда. Со слов моей квартирохозяйки Забоевой Александры Андреевны, мне известно, что он жил в комнате, которую теперь занимали мы – я и Смурьгин, что он уехал незадолго до нашего прибытия сюда, в 1934 г. Больше мне ничего о нём не известно. Герман Ряшенцев прибыл вместе с нами. Знает ли он Трусова сказать не могу, полагаю, не знает. Ряшенцев мне о Трусове ничего не говорил. О

Трусове Михаиле мне известно, что он грузин, отбывал срок в Коми области, проживал в с. Кочпон, откуда был переведён куда-то в другое место. По отбытии срока возвращался в Кочпон, бывал у квартирохозяйки Забоевой А.А. и уехал на родину. Оттуда от него приходили письма, в которых он сообщал Забоевой о том, что нигде на родине устроится не смог. Потом он был арестован и от него пришло письмо с места его заключения. Разговоры о Трусове между нами бывали, но в какой связи сказать не могу. Ряшенцев знал о Трусове то же, что знаю и я. Меня лично интересовало в Трусове то, что он грузин, т.к. архиепископ Антоний Абашидзе, мой духовный отец, у которого я жил, тоже грузин. Разговор о Трусове шёл между нами, Ряшенцевым, мною и Смурьгиным, в связи получением от него известий его бывшей домохозяйкой Забоевой. О его жизни и что он, Трусов, делал в Кочпоне, какую работу по вовлечению в монашество он вёл, я не знаю. Из знакомых мне верующих о Трусове вспоминала Глафира Забоева, домохозяйка Забоева А.А., Шаламова М.А. От них я слышал, что они Трусова знают, но что они о нём говорили, не помню. Ничего, кроме сказанного, сказать не могу. В разговоре с Ряшенцевым, при обсуждении пункта 124 новой конституции, он говорил, что конституция ничего нового не вносит и положение остаётся прежнее, никаких изменений не будет. Могу только показать, что Ряшенцев высказывал недовольство карательной политикой соввласти и тем, что его неоднократно ссылали в ссылку». (Допрос вёл Якуб).

15.05.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «Был ли разговор с Ряшенцевым с к-р критикой на новую конституцию, я не помню. Я не скрываю и заявляю, что враждебных слов со стороны Ряшенцева не слышал». (Допрос вёл Попов).

16.05.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «На ряду с обсуждением вопросов религиозного характера, обсуждались также и вопросы политические. В частности, проект новой конституции, при чём выражалось недовольство статьёй 124-ой, тем, что в этой статье не сказано о свободе религиозной пропаганды, тогда, как там прямо указывается о свободе антирелигиозной пропаганды. Высказывалось недовольство карательной политикой советской власти в отношении духовенства. Такого рода обсуждения и разговоры носили антисоветский характер, но значения я этому не придавал. Высказывания имели место со стороны Ряшенцева, Смурьгина и моей. В своих взглядах мы расходились, а что говорил каждый из нас я припомнить не могу. Я лично высказывал Ряшенцеву и Смурьгину своё недовольство ст.124 конституции, т.к. считал её не ясной и недостаточной для определения прав церкви. Я ожидал большего. Ни по каким другим вопросам, кроме новой конституции, я не высказывался. Вопрос о предстоящих выборах в советы неоднократно обсуждался на квартире Ряшенцева и моей. Обсуждение шло в плоскости того, будут ли предоставлены избирательные права духовенству или не будут. Практически о выборах или кандидатурах вопрос не ставился ни разу и в этой плоскости не обсуждался. Я лично этим вопросом совершенно не интересовался и считал, что духовенство не будет избираться, потому что само не пожелает и, потому что их кандидатуры никем выставлено не будет. Говорил ли я об этом моём мнении Ряшенцеву, я не помню. Смурьгину я этого не говорил. Что именно по этому вопросу говорил Ряшенцев, я не помню, но он по этому вопросу говорил. Во всяком случае по вопросу о кандидатурах духовенства на предстоящих выборах был предметом нашего обсуждения. Ряшенцев говорил, что духовенство избираться не будет. Он обосновывал тем, что при выборах духовенства, правительством будут чиниться препятствия с целью противодействия избранию их». (Допрос вёл Якуб).

16.05.1937 г. (продолжение). Показания Любимова М.Н.: «Никакие цели группировки мне не известны и сказать что-либо по этому вопросу я не могу. Никакой практической работы не велось. Я лично и Смурьгин получали деньги из Киева от Абашидзе. Откуда получали материальную

помощь другие, я не знаю. Тарара Лука получал помощь из Киева. По ст. 124 новой конституции никаких практических выводов мы не делали и не предпринимали». (Допрос вёл Якуб).

16.05.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «В к-р направлении новую советскую конституцию с Ряшенцевым мы никогда не обсуждали и рассказать об этом ничего не могу. Заявления Ряшенцева не подтверждаю. С его стороны к-р настроений я никогда не слышал и его показания считаю ложными». (Допрос вёл Попов).

16.05.1937 г. (вторичный). Показания Ермолина С.В.: «Высказывали ли к-р критику на новую советскую конституцию, в беседе с Ряшенцевым, я не помню. Лично я с отдельными пунктами конституции не был доволен. В частности, на ст. 124 конституции, где разрешается только свобода антирелигиозной пропаганды, а религиозной нет. В отношении участия в выборах духовенства я считал, что, хотя по конституции им дано право голоса, но оно фактически не имеет возможности выбирать и быть избранным в советы, т.к. к выборам их не допустят. Своих враждебных отношений к советской власти и новой конституции Ряшенцев мне не излагал и подтвердить это не могу. Я заявляю, что к-р взгляды Ряшенцев мне никогда не излагал. Да, я иногда участвовал на собраниях монахов в квартирах Ряшенцева, Лобанцевой и Смुरыгина, но редко». (Допрос вёл Попов).

17.05.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «Я лично никаких мероприятий не проводил и ничего не слышал о том, что кто-либо другой проводил какие-нибудь мероприятия». (Допрос вёл Якуб).

17.05.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «На предыдущих допросах я уже показал, что к-р критике новую советскую конституцию в беседе с Ряшенцевым мы не подвергали и об этом от Ряшенцева я никогда не слышал. О своём недовольном отношении к некоторым пунктам новой конституции я ни с кем не делился и своё отношение никому не высказывал. С Ряшенцевым по этому вопросу бесед не имел и о своём отношении к конституции я ему не высказывал». (Допрос вёл Попов).

17.05.1937 г. (вторичный). Показания Ермолина С.В.: «Разговоров о конституции и к-р критике с Ряшенцевым у нас не было и другого ответа дать я не могу. Антисоветские взгляды на советскую конституцию Ряшенцев мне никогда не высказывал и его взгляды разделять я не мог. Показания Ряшенцева считаю ложными потому что от него антисоветские взгляды на конституцию я никогда не слышал». (Допрос вёл Попов).

19.05.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «Никаких задач мы перед собой не ставили. Я показываю правду. Какие вопросы обсуждались нами я уже показывал в своих предыдущих показаниях и ничего нового добавить не могу. Никаких выводов в наших беседах мы не делали, никаких практических мероприятий не выдвигали и никаких целей перед собой не ставили. По этому вопросу я показать ничего больше не могу». (Допрос вёл Якуб).

19.05.1937 г. Показания Васильева-Жукова М.С.: «Сущность слов Ряшенцева сводится к тому, что новая конституция даёт облегчение духовенству. Мне лично Ряшенцев, в присутствии Ермолина и Станкевича говорил, что в связи с новой конституцией будет жить лучше, можно будет свободно выполнять религиозные обряды, духовенство будет участвовать в выборах. Ряшенцев говорил только, что предоставляется право голоса». (Допрос вёл Якуб).

19.05.1937 г. Показания Ермолина С.В.: «С Ряшенцевым мы к-р критике новую советскую конституцию не подвергали и об этом рассказать не могу. Такого разговора с Ряшенцевым у нас не было и рассказать ничего не могу». (Допрос вёл Попов).

19.05.1937 г. (вторичный). Показания Ермолина С.В.: «К к-р критике новую советскую конституцию с Ряшенцевым мы не подвергали и подтвердить не могу. Признать то, чего не было, не могу». (Допрос вёл Попов).

20.05.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Не отрицаю, что вокруг меня группировалось монашество и духовенство, которое, как и я по ряду вопросов было настроено к-р, но определённых политических задач мы не имели. Лично я ни с кем из населения связан не был и никому никаких политических установок не давал». (Допрос вел Выжлецов).

20.05.1937 г. (вторичные). Показания Ряшенцева Г.С.: «Мои показания правдивы. На территории Коми АССР я не создавал нелегальные к-р церковные группировки. Поручений Шаламовой я не давал. Никаких мероприятий на предстоящие выборы я не намечал, даже разговоров по этому вопросу ни с кем не имел. Таких установок Елькину не давал, и с ним совершенно не знаком если не считать того, что знал, что он является мужем церковного старосты Кочпонской церкви. Ни на территории Коми АССР и тем более вне её к-р группами не руководил. Харламова моя родственница, а не к-р и не связистка. Я получал помощь от отдельных знакомых мне лиц, а не от к-р групп. Я обращался к Питириму В. Устюг единственный раз по вопросу пострижения в монашество Шаламовой М. Больше никаких вопросов с ним не обсуждал. Шаламова к нему ездила по своему личному делу. Лично я связей с Киевом не имел и помощь оттуда не получал. Кто помогал Тараре я не знаю. Распределением средств не занимался. Нечаева А.Д. знал. Некоторое время он пел в церковном хоре Кочпонской церкви. Близкого знакомства с ним не имел. Переписку не имел». (Допрос вел Выжлецов).

20.05.1937 г. Показания Шевалеевского С.М.: «Никакой информации со стороны Знамеровского не было. Разговоров о конституции не было. Другого ответа дать я не могу. (Зачитывается выдержка из показаний Ряшенцева Германа от 15.05.37 г. об информации Знамеровским о новой конституции). При мне Знамеровский в квартире Ряшенцева информации о новой конституции никогда не делал и другого ответа дать я не могу». (Допрос вёл Попов).

21.05.1837 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «С Лидией Шаламовой встречался два раза летом 1935 г. у меня на квартире и на квартире её матери. Она иногда приезжала из Ленинграда. Она мне рассказывала только о своей работе. Несколько затрагивались религиозные вопросы. Из её слов я понимал, что круг знакомых у неё ограничен, с духовенством связи не имеет. Харламова привозила письмо от бывшей игуменьи Олимпиады Марковны Ивановой, проживающей под Москвой. В Москве у меня есть знакомые только по духовным связям. Совершенно откровенно заявляю, что никаких к-р групп в Москве я не знаю. В 1936 г. Яковлеву я просил в Москве зайти к Харламовой. Я просил Харламову оказать содействие Яковлевой в устройстве на работу и только. Повторяю, Яковлева имела от меня только маленькую записочку к Харламовой. В Москве у меня есть знакомая Зверева Евгения Михайловна, которая в Сыктывкар не приезжала. В начале 1933 г. проездом из Сыктывкара в Арзамас виделся со Зверевой в Москве на квартире Харламовой. До 1936 г. переписка была, а потом прекратилась по её инициативе. Когда Харламова была у меня говорила, что несколько раз звонила Зверевой, но та ей не отвечала, лично её тоже не встречала. С Четверухиной Е.А. Харламова не была связана. В конце 1936 г. получил от Четверухиной посылку, а связи с этим я написал её письмо, выразив благодарность за помощь. Её муж был мой знакомый. Мой адрес могла получить от Михайловой». (Допрос вёл Выжлецов).

22.05.1937 г. Очная ставка Шевалеевскому С.М. со свидетелем Веселковым Фёдором Андреевичем. Показания Веселкова Ф.А.: «В феврале 1963 г. Шевалеевский был у меня на квартире и в беседе говорил, что изданные советской властью законы не проводятся в жизнь, а

остаются на бумаге. Если бы они проводились в жизнь, то не было бы так много закрытия церквей и обложение произвольными налогами. Других антисоветских разговоров от Шевалеевского я больше не слышал. Я своё показание подтверждаю». Показания Шевалеевского С.М.: «Разговор этот имел место, но содержание такового было следующее, что изданные законы Советской властью, отдельными её представителями нарушаются и через них иногда бывают случаи неправильного закрытия церквей. Больше я ничего не говорил. Я ответил точно. Как я говорил по этому вопросу с Веселковым так я и показал. Иначе показать не могу». (Допрос вел Попов).

22.05.1937 г. Показания Тарара Л.-И. Д.: «Разговоров на к-р темы с Ряшенцевым у нас никогда не было. С записями в записной книжке Ряшенцев меня знакомил, но конкретно о чём, теперь я не помню. По этой книжке Ряшенцев мне всегда давал наставления. Подробностей всех этих разговоров я не помню. Я уже показал, что Ряшенцев знакомил меня с этими записями, но содержание их, я не помню». (Допрос вел Попов).

22.05.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «Зверевой Е.М. я не знаю и никогда о ней не слышал ничего. Четверухину Е.А. я также не знаю. От Ряшенцева я об этих лицах ничего не слышал. Харламову Т.Е. я не знаю. Это женщина, которая приезжала к Ряшенцеву в Кочпон из Москвы. Цель её приезда навестить Германа Ряшенцева, с которым она знакома. Я лично видел её два раза в церкви и на квартире Ряшенцева. Говорил ли я с ней, не припомню. Кажется, что не говорил. Цель её приезда мне неизвестна. Полагаю, что она приезжала навестить Германа Ряшенцева. Сам он мне ничего не говорил, а я не спрашивал. О поручениях Яковлевой П.Ф. при её выезде в Москву мне также ничего не известно. Припоминаю, что разговор об отъезде Яковлевой у меня с Ряшенцевым был, но этот разговор носил совершенно отвлечённый характер. Говорили о том, что Яковлева уезжает, что у неё кончился срок ссылки и всё. Других разговоров не было. О Шмидт мне только известно, что она отбывала здесь ссылку, вскоре после нашего приезда, по окончании срока уехала к сестре в Баку, где живёт и сейчас. Со Шмидт я переписки не имел. Адрес Шмидт я взял у своей квартирохозяйки Забоевой, к которой Шмидт ходила, и которой писала после своего отъезда письма. В одном из писем она прислала мне привет, и я взял у Забоевой адрес Шмидт, чтобы написать ей пару слов и благодарность за привет, но письма ей не написал. О том, что Шмидт рассылала из Баку письма Трусева по разным адресам, об этом я ничего не знаю. Со слов Шмидт, мне известно, что она с Трусевым знакома и хотела узнать, где он находится. Об этом она говорила до своего отъезда в доме Забоевой, моей квартирохозяйки. Фамилия Сташков мне не известна. Брянского я также не знаю. Кушнир А.Н. я не знаю. Векину А.Г. я не знаю. Мне известно, что Шаламова летом 1936 г. ездила в с. Иб, цель её поездки мне не известна. Великоустюжского епископа Питирима знаю. Знаю, что Ряшенцев епископа Питирима знает. Имеет ли Ряшенцев с ним переписку, он никогда не говорил. Что Шаламова ездила в В.-Устюг мне известно. Зачем она ездила не знаю. На сколько мне известно, она там жила и училась и имеет там знакомых. Журавин устюжанин и ездил домой. О поручениях каких-либо он мне ничего не говорил. Я говорю правду. Ничего больше на вопрос добавить не могу». (Допрос вел Якуб).

23.05.1937 г. Показания Любимова М.Н.: «Моё знакомство с Амосовым Р.Н. было весьма ограниченным. Никакой связи с ним я не имел и о его к-р деятельности мне ничего не известно. Рукопись Амосова у меня была, но я её внимательно не прочёл, т.к. содержание её мне с первой же страницы показалось неинтересным. Как кончилась эта рукопись, я не помню. Амосов мне о к-р связи с церковниками в Архангельске никогда ничего не говорил. Ни фамилий, ни своих знакомых в разговорах со мной Амосов не называл. Из Киева материальную помощь получал Смुरьгин, Тарара и, кажется, Станкевич Иерон. О Станкевиче я сказать ничего не могу. От кого персонально получал средства Тарара мне неизвестно, я, Любимов, и Смурьгин получали деньги

от Абашидзе, который пересылал их через Молдаван. Потому что я вёл переписку с Абашидзе через Молдаван. Через кого и как вёл переписку Смурыгин не знаю, но раз или два видал переводы на его имя исходящие от Шибаяевой. Шибаяева также живёт в Киеве и знакома с Абашидзе. Средства для оказания помощи нуждающемуся ссыльному духовенству, поступали от разных лиц, которых я не могу перечислить, т.к. не знаю их. Кто оказывал помощь и кому не знаю. Я лично несколько раз оказывал помощь Штокович А.Ф. Ряшенцев москвич и связь с Москвой безусловно имел, но фамилий и конкретных лиц назвать не могу. Письма из Москвы он получал, об этом лично говорил мне, я сам несколько раз видел конверты, исходящие из Москвы, но от кого эти письма поступали и их содержание мне неизвестно. Никакой связи с Елькиным П.Н. я не имел. Несколько раз я его видел в церкви. Больше я с ним нигде не встречался. Возможно он был на именинах Смурыгина. Этого я не знаю, т.к. я в этот день уходил в город, не помню зачем, и Елькина не видал. Никакого разговора в церкви с Елькиным не имел». (Допрос вёл Якуб).

24.05.1937 г. Показания Васильева-Жукова М.С.: «Не отрицаю, что в разговоре с Амосовым мог высказать, что во время царизма народу жилось лучше, чем теперь, а теперь жить стало плохо, но этого разговора я не помню». (Допрос вёл Якуб).

29.05.1937 г. Показания Ряшенцева Г.С.: «Никаких политических установок создавать группы, я Шаламовой не давал. Не только политических, но и религиозных установок Шаламовой не давал. По возвращении из села Иб, Шаламова говорила мне только о том, что встречала там священника Шумкова и некоторых знакомых повидать не удалось, т.к. они были на лесозаготовках. Ни о какой группе в Пажге я не знаю, даже не знаю, была ли в этом селе Шаламова. Лично Амосова я совершенно не знаю. Смурыгин и Любимов мне говорили об Амосове только как о верующем человеке, который посещает Кирульскую и Кочпонскую церкви». (Допрос вёл Выжлецов).

***

24 мая 1937 г. Обвинительное заключение по делу № 3542 было утверждено Начальником УНКВД Коми АССР Ст. Лейтенантом ГБ Ковалёвым. Следствие по делу считать законченным, предъявленные обвинения доказанными. Дело представить прокурору Коми АССР для передачи по подсудности. Начальник 4 Отдела УГБ Лейтенант ГБ (Выжлецов).

Выписка из Протокола Заседания Тройки УНКВД Коми АССР от 13 сентября 1937 года. Слушали дело № 3542. Постановили: Расстрелять.

Акт. 1937 года, сентября 15 дня. Мы, нижеподписавшиеся: Нач. 4 Отд. УНКВД Коми АССР Лейтенант ГБ Выжлецов, Мл. Лейтенант ГБ Галишевский, Опер. Уполн. 4 Отд. УГБ Сержант Подшивалов, составили настоящий акт в том, что сего числа нами на основании предписания № 16 от 14 сентября 1937 года Нач. УНКВД Коми АССР Ст. Лейтенанта ГБ т. Ковалёва приведен в исполнение приговор Тройки УНКВД от 13 сентября 1937 года РАССТРЕЛЯН (Ф.И.О. 13 человек).

Нач. 4 Отд. УНКВД Лейтенант ГБ – п\п (Выжлецов)

Нач. Сыктывдинского РО Мл. Лейтенант ГБ – п\п (Галишевский)

Опер. Уполн. 4 Отд. УГБ Сержант ГБ – п\п (Подшивалов)

Лист № 9

К делу №

Анкета арестованного

1. Фамилия Рагменцев
2. Имя и отчество Герман Степанович
3. Дата рождения: число 10 месяц Января год 1876
4. Место рождения с/пгд Ямбобов Вранеского уезда
5. Место жительства (адрес) Вело Когон, Коммунальная ул. 9 м. 5
Сингапурского Удоевца РСФСР Коми
6. Профессия и специальность служилый приезд в тюрьму
7. Место службы и должность или род занятий отбивает семью в РСФСР Коми
с/пгд Ямбоба. Регент Когонской церкви
(указать без сокращений название предприятия или учреждения и характер производства)
8. Паспорт Не имеет как семейный
(когда и каким органом выдан, номер и категория, где прописан)
9. Социальное происхождение из Когонского уезда
(род занятий родителей и их имущественное положение)
г. Ямбоба
10. Социальное положение семейный стесной, холостой
(род занятий и имущественное положение арестованного)
абсолютно при раскула в Когонской церкви
- а) до революции Председатель Бюро в с/пгд Ямбоба
Когонской стесной Ямбоба в с/пгд Ямбоба
- б) после революции с 1919 года в тюрьме
11. Образование (общее и специальное) Училище Когонского уезда
Николаевской академии 1905 году
12. Партийность (в прошлом и настоящем) в принудительной ссылке

Лист № 104

К делу № 5

Анкета арестованного

1. Фамилия Шевалевский
2. Имя и отчество Врачтов Макарович
3. Дата рождения: число " " " 1873 года
4. Место рождения быв. Майбавская ул., Кудрявского уезда
Село Пароски
5. Место жительства (адрес) Ур. Елисейев, 6/10, дом и кв.

6. Профессия и специальность Инспектор
7. Место службы и должность или род занятий Ади. Семинский, Ижевск

(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства).

8. Паспорт № 111111
(когда и каким органом выдан; номер и категория; где прописан).

9. Социальное происхождение быв. служилые
(род занятий родителей и их имущественное положение).

10. Социальное положение Служилые Кудрявского уезда
(род занятий и имущественное положение арестованного).

- а) до революции Служилые Кудрявского уезда - служилые

- б) после революции с 1928 года инспектор

11. Образование (общее и специальное) Высшее, окончил Иркутскую ака-
демию

12. Партийность (в прошлом и настоящем) Ни составлен в Ижевске

Лист № 20

К делу №

Анкета арестованного

1. Фамилия Тарара2. Имя и отчество Иоанн Демитриевич3. Дата рождения: число 9 месяц Сентябрь год 18664. Место рождения гор. Киев5. Место жительства (адрес) Керное Колхозная ул. 56. Профессия и специальность Метроном

7. Место службы и должность или род занятий

(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства).

8. Паспорт

(когда и каким органом выдан; номер и категория, где прописан).

9. Социальное происхождение Служитель кувша

(род занятий родителей и их имущественное положение).

10. Социальное положение

(род занятий и имущественное положение арестованного).

а) до революции Служ. кувшаб) после революции Служ. кувша11. Образование (общее и специальное) Отч. Высшее

12. Партийность (в прошлом и настоящем)

Лист № 9/4

К делу № _____

Анкета арестованного

1. Фамилия Васильев - Жуков
2. Имя и отчество Мартыанен Сергеевич
3. Дата рождения: число „___“ месяц _____ год 1875
4. Место рождения гор. Арзамас, Горьковского края
5. Место жительства (адрес) гор. Сталиноск, Пятиэтажков-ский стов. - 6/10 дом № 47
6. Профессия и специальность слесарем кузбца
7. Место службы и должность или род занятий баш. слесарем кузбца, нигде не работал
(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства).
8. Паспорт не имел
(когда и каким органом выдан; номер и категория; где прописан).
9. Социальное происхождение сын рабочего
(род занятий родителей и их имущественное положение).
10. Социальное положение слесарем кузбца, башки
(род занятий и имущественное положение арестованного).
- временно
- а) до революции тоже
- б) после революции тоже
11. Образование (общее и специальное) начальная школа
12. Партийность (в прошлом и настоящем) старый член

Лист № 73

К делу №

Анкета арестованного

1. Фамилия Любимов
2. Имя и отчество Мясной Александр
3. Дата рождения: число 19 месяц сентябрь год 1903
4. Место рождения г. Ленинград Володарский р-н
5. Место жительства (адрес) с Котлов ул. Волны Кам-
ковой, дом №22
6. Профессия и специальность слесарь кузнеч
7. Место службы и должность или род занятий № слесарь
(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства)
8. Паспорт не имеет
(когда и каким органом выдан; номер и категория; где прописан)
9. Социальное происхождение из рабочих
(род занятий родителей и их имущественное положение)
10. Социальное положение слесарь кузнеч
(род занятий и имущественное положение арестованного)
- а) до революции ученик
- б) после революции слесарь кузнеч
11. Образование (общее и специальное) не окончено среднее
12. Партийность (в прошлом и настоящем) бригадирский

Лист № 29

К делу №

Анкета арестованного

1. Фамилия Амурский
2. Имя и отчество Александр Васильевич
3. Дата рождения: число 13 месяц ноября год 1906
4. Место рождения Пуровская ул. Викентий у.
С. Пуровское.
5. Местожительство (адрес) гор. Сиктевиктар
С. Кочном ул. Доминг. Намиковой и др.
6. Профессия и специальность монах.
7. Место службы и должность или род занятий
на разных работах.
(указать без сокращений название предприятия или учреждения и характер производства)
8. Паспорт Удостоверение миссионер.
(когда и каким органом выдан; номер и категория; где прописан)
9. Социальное происхождение из рабочих.
(род занятий родителей и их имущественное положение)
10. Социальное положение монах.
(род занятий и имущественное положение арестованного)
- а) до революции гражданин
- б) после революции монах
11. Образование (общее и специальное) общее среднее.
12. Партийность (в прошлом и настоящем)

Анкета арестованного

1. Фамилия Амосов
2. Имя и отчество Ираидон Николаевич
3. Дата рождения: число 21 месяц октябрь 1874 год
4. Место рождения город Вологда Тверской губернии
5. Место жительства (адрес) г. С.-Петербург Коши А.С.Р.
6. Профессия и специальность Инженер-конструктор
7. Место службы и должность или род занятий Безработный
Частично занят на работе в обр. техникума и техникума
(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства)
8. Паспорт № 11111111111111111111
(когда и каким органом выдан; номер и категория, где прописан)
9. Социальное происхождение Из семьи
(род занятий родителей и их имущественное положение)
10. Социальное положение Свободный инженер-конструктор
(род занятий и имущественное положение арестованного)
- а) до революции Свободный
- б) после революции Тот же свободный
11. Образование (общее и специальное) Высшее - окончил Высшее техническое училище в г. Москве
12. Партийность (в прошлом и настоящем) Безналичный
Ни в какие партии не состоял

Анкета арестованного

1. Фамилия Трабачин

2. Имя и отчество Александр Иванович

3. Дата рождения: число 24 месяц Декабря год 1872

4. Место рождения село Мухом Б.б.б.р.

5. Место жительства (адрес) село Викторовское Б.б.б.р. колхоз
Интернациональный ул. Ленина 67

6. Профессия и специальность фармацевт

7. Место службы и должность или род занятий фармацевт таксанор
Антисептика Б.б.б.р. колхоз с. село Викторовское
(указать без сокращений название предприятия или учреждения и характер производства)
с марта 1936 года по 24 августа

8. Паспорт № 12, как семейный проживающий по ул.
Мухомовской УНК В.А. колхоз Б.б.б.р.
(когда и каким органом выдан; номер и категория; где прописан)

9. Социальное происхождение из рабочих родителей
(род занятий родителей и их имущественное положение)

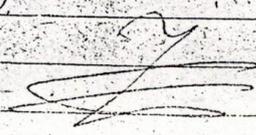
10. Социальное положение семейный рабочий фармацевт
(род занятий и имущественное положение арестованного)
медицинский работник

а) до революции фармацевт Киевского военного
вспомогательного госпиталя, позднее член Коллежского совета
в Армии

б) после революции фармацевт

11. Образование (общее и специальное) Реальная гимназия и Введенская
гимназия при Киевском университете на фармацевтика

12. Партийность (в прошлом и настоящем) Внешний трудитель не
член

Анкета арестованного

1. Фамилия Сермолин
2. Имя и отчество Сидор Васильевич
3. Дата рождения: число 22 месяц мая год 1891
4. Место рождения с. Часово, Сыктывдинского р-на, Коми АССР
5. Место жительства (адрес) г. Сыктывкар, 5 декабря дом № 87
6. Профессия и специальность Служивый Кривоша
7. Место службы и должность или род занятий Священник Кривоша - Воздвиженской Митрии Конской церкви
(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства)
8. Паспорт серия С.А. № 5734 от 18 октября 1933г.
(когда и каким органом выдан; номер и категория; где прописан)
9. Социальное происхождение из Кривошаевых священников
(род занятий родителей и их имущественное положение)
10. Социальное положение Служивый Кривоша с 1927 года
(род занятий и имущественное положение арестованного)
- а) до революции Кривошаев, священник, дом 1, улица № 1, квартал 2
- б) после революции Кривошаев священник, дом 1, улица № 1, квартал 2
11. Образование (общее и специальное) окончил Караимскую школу
12. Партийность (в прошлом и настоящем) Партийный член

Лист №

53

К делу №

Анкета арестованного

1. Фамилия Влокин
2. Имя и отчество Гавел Триколевич
3. Дата рождения: число 23 месяц Июль год 1876
4. Место рождения Село Сошки, Сельскохозяйственный р-н Коши обл.
5. Место жительства (адрес) Село Котман, ул. Советская дом № 9
6. Профессия и специальность Слесарь
7. Место службы и должность или род занятий Работал на заводе
де 90 первого декабря 1936г.
(указать без сокращений название предприятия или учреждения и характер производства)
8. Паспорт 12 октябрь 1939г. Коши обл. Числ. РК милиции
(когда и каким органом выдан; номер и категория; где прописан)
интерполским удостоверением № СД № 005711
9. Социальное происхождение _____
(род занятий родителей и их имущественное положение)
10. Социальное положение Рабочий
(род занятий и имущественное положение арестованного)
- а) до революции Рабочий работал в Ямбургской
де. на шурбогонной заводе
- б) после революции сифилис
11. Образование (общее и специальное) Ничего
12. Партийность (в прошлом и настоящем) с 1918 года по 1929 год
был членом РКП(б) иек. после член шурбогонной
де. на шурбогонной заводе в сифилис
и сифилис

Лист № 64

К делу №

Анкета арестованного

1. Фамилия Штоквер
2. Имя и отчество Александра Федоровна
3. Дата рождения: число 28/11 месяц 1875 год
4. Место рождения: г. Ленинград
5. Место жительства (адрес) г. Сосновский Интернациональной д. А 117
6. Профессия и специальность Учительница музыки и преподаватель Французского и немецкого языков
7. Место службы и должность или род занятий Работала в Кемпинском "ке-октебри" по музыке
(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства)
8. Паспорт Кемп. Уезд. Ком. а. с. А 75-1936 год
(когда и каким органом выдан; номер и категория; где прописан)
9. Социальное происхождение из дворян
(род занятий родителей и их имущественное положение)
10. Социальное положение д. с. с.
(род занятий и имущественное положение арестованного)
- а) до революции Дворянка, дочь Команданта Марьинского села
- б) после революции
11. Образование (общее и специальное) Среднее общее
12. Партийность (в прошлом и настоящем) Нету

Анкета арестованного

1. Фамилия Варун-Сергей

2. Имя и отчество Анна Ивановна

3. Дата рождения: число 16 месяц Июнь год 1888

4. Место рождения г. Ленинград, Васильевский остров 13-й микрорайон дом № 333

5. Место жительства (адрес) г. Ленинград Советская улица дом № 4

6. Профессия и специальность Преподавательница французского языка

7. Место службы и должность или род занятий домоводница

(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства).

8. Паспорт Идентификационное удостоверение УНКВД по Ленинградской области № 863 от 26 мая 1936 г.
(когда и каким органом выдан; номер и категория; где прописан).

9. Социальное происхождение служащий
(род занятий родителей и их имущественное положение)

10. Социальное положение служащая
(род занятий и имущественное положение арестованного).

а) до революции домашний хозяйка

б) после революции Преподаватель по французскому языку

11. Образование (общее и специальное) Среднее / окончена Смольнинский институт в Ленинграде

12. Партийность (в прошлом и настоящем) Беспартийная

Анкета арестованного

1. Фамилия Шаламова
2. Имя и отчество Мария Александровна
3. Дата рождения: число 27 месяц Мая год 1882
4. Место рождения с. Мб. Сметликовского района
Республики Коми
5. Место жительства (адрес) с. Койтан Коллозна 11
6. Профессия и специальность Неделает
7. Место службы и должность или род занятий ни где не работает
- (указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства).
8. Паспорт СА А 011303 Иркутская область
(когда и каким органом выдан, номер и категория, где прописан).
Иркутск 7 июля 1934 года
9. Социальное происхождение дочь поэта
(род занятий родителей и их имущественное положение).
10. Социальное положение жена служащего клуба
(род занятий и имущественное положение арестованного).
- а) до революции жена служащего клуба
- б) после революции Гомель
11. Образование (общее и специальное) Среднее
12. Партийность (в прошлом и настоящем) Вступила в партию

Его высокопреосвященству, Высокопреосвящен:
Питириму Архиепископу Велико-Устьюгскому

Вдовы, жены священника Марии Алексан-
дровны ШАЛАМОВОЙ, проживающей в гор.
Устьенсо льске.

З а я в л е н и е .

Ваше высокопреосвященство, архипастырь и отец, зная Ваше благосклонное отношение к иночующим, дерзаю и я обратиться к Вам с убедительной просьбой.

До самого момента смерти моего мужа протоиерея Проккопия Николаевича ШАЛАМОВА, в течении 33 лет исполнявшего пастырские обязанности в селе Вотче вверенной вам епархии я была не только женой и другом своего супруга но и помощницей и соотинницей всех обязанностей и дел прихода. Теперь вот уже в течении 5 лет с самого момента смерти и до сего дня моя жизнь окончательно пошла по руслу иночества.

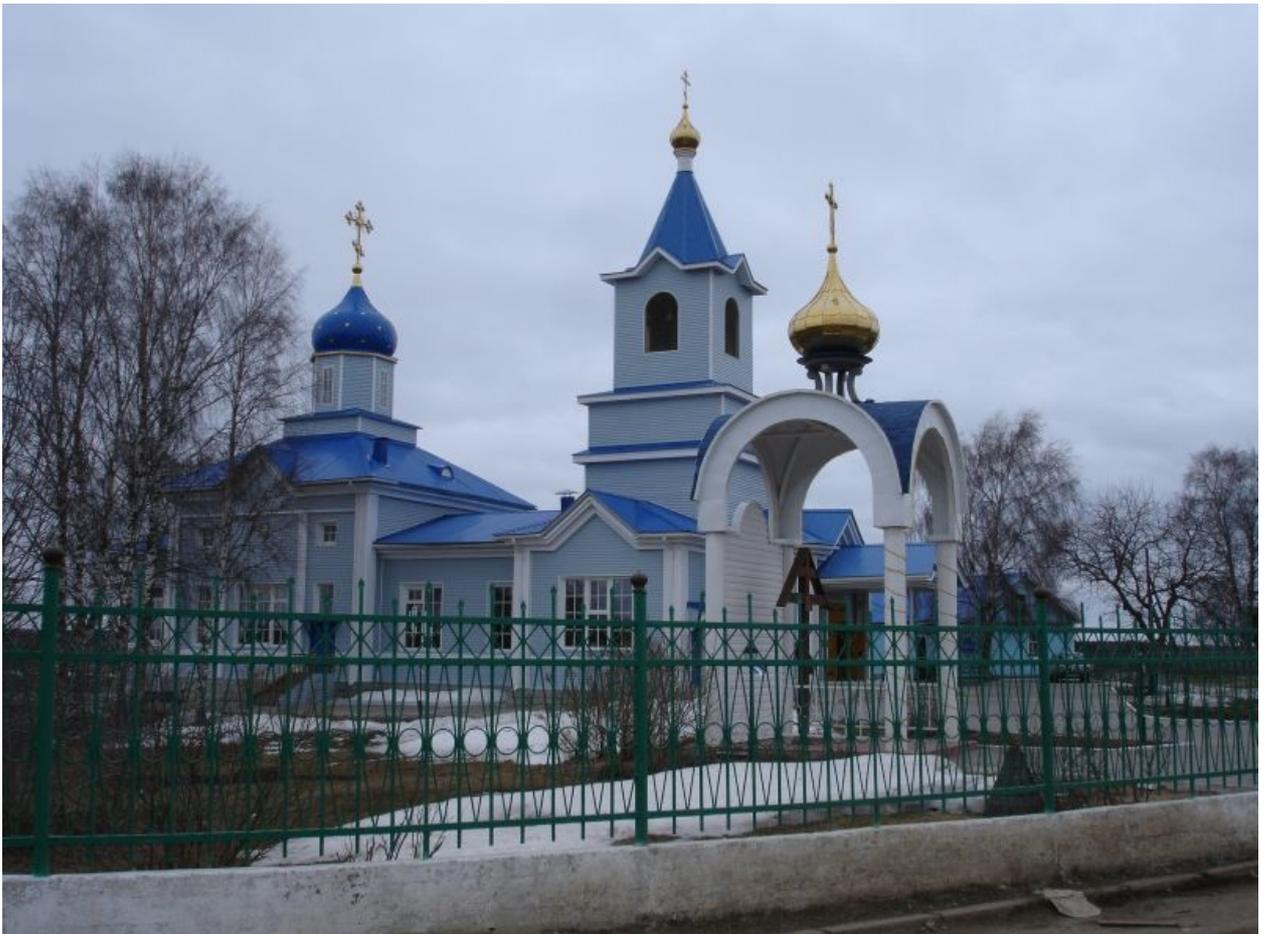
Ежедневное пребывание в храме божием, деятельное участие во всех службах совершающихся в нем, непосредственное соприкосновение со многими иночующими пребывающими в нашем городе, посильное подражание их жизни, завещание покойного супруга чтобы я углублялась в духовной жизни и мое стремление к одинокой жизни еще от юного возраста и обычай нашей русской древности принимать монашество перед смертью окончательно пленила мою душу непреодолимым желанием вступить в дружину иноков.

Не закрываю глаз и от неблагоприятных обстоятельств современного иноческого пребывания (но мне 54 года и остается не долго жить на земле) но я твердо верю в сугубейшую благодать Божию, сходящую на человека, после совершения чина иноческого пострига.

Поэтому я и припадаю к Вашим архипастырским стопам слезно прося внять вопию моей души и благословить меня своей десницей на принятие монашеского пострига.

Село Кочпон.

26 Июля 1936г. М.А. ШАЛАМОВА.

Кочпон. Свято-Казанский храм.

Мария Александровна Шаламова с детьми.

Епископ Арзамасский Серапион (Шевалеевский)

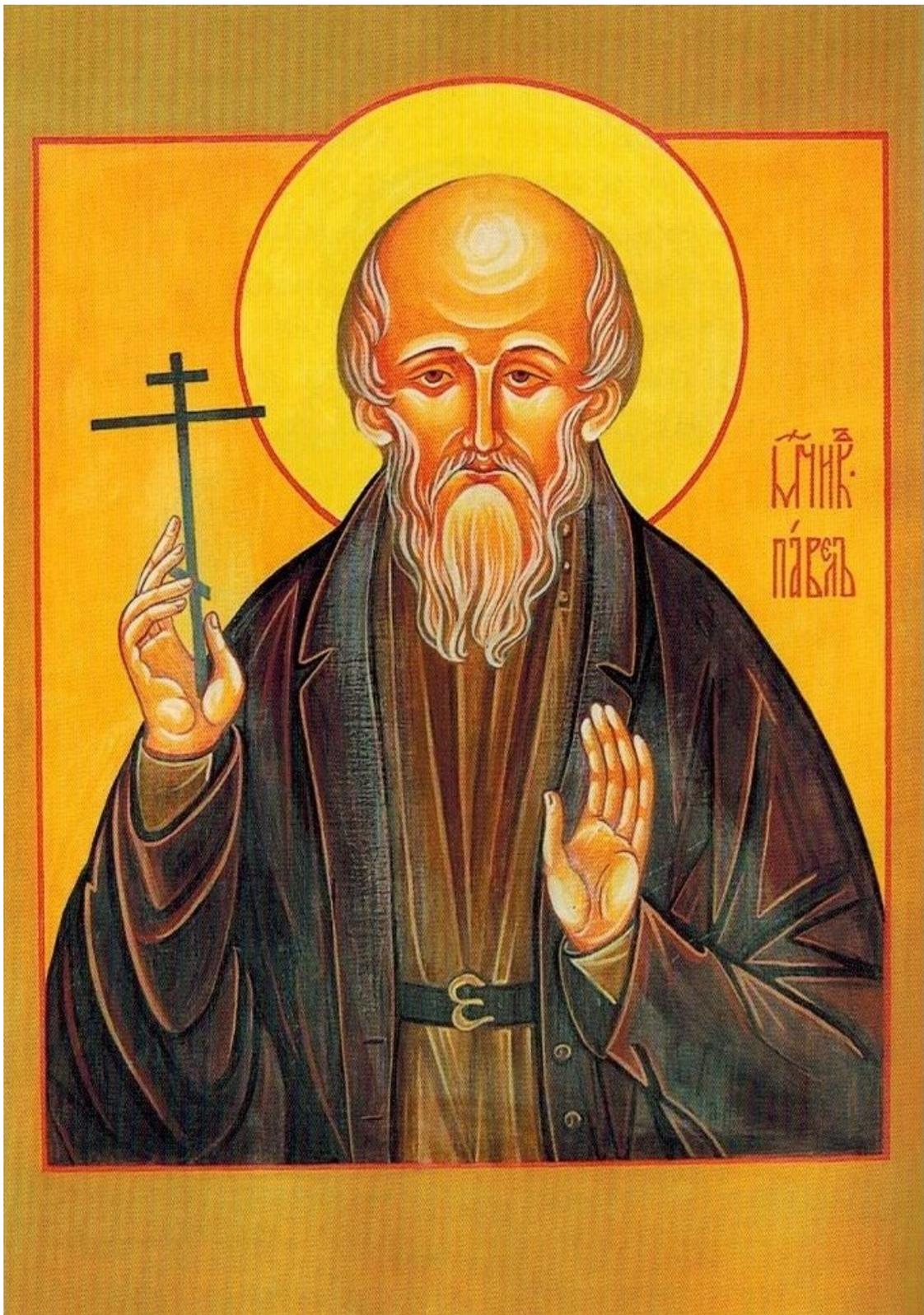
Павел Николаевич Елькин с женой Натальей Андреевной

Святой Герман Ряшенцев

Святой Степан Ермолин

Святой Павел Елькин

Тентюковское кладбище.

15 сентября 2017 год